

W. SOMERSET MAUGHAM

Сомерсет Моэм
СОТВОРЕНИЕ СВЯТОГО
ТОГДА И ТЕПЕРЬ



Сомерсет Моэм
Сотворение Святого.
Тогда и теперь

«Издательство АСТ»

1898,1946

УДК 821.111-31
ББК 84 (4Вел)-44

Моэм С.

Сотворение Святого. Тогда и теперь / С. Моэм — «Издательство АСТ», 1898,1946

ISBN 978-5-17-081510-4

«Сотворение Святого» – необычный роман, открывающий читателю новую грань таланта Сомерсета Моэма. Произведение, основанное на «Истории Флоренции» Никколо Макиавелли, погружает читателя в эпоху средневекового города, – время политических и финансовых интриг влиятельных семейств, скандальных любовных связей и удивительного расцвета науки и искусства. Главным героем увлекательного романа «Тогда и теперь» стал известный государственный деятель и легендарный авантюрист Никколо Макиавелли, вступивший в смертельно опасную игру со скандально знаменитым «злым гением» Чезаре Борджа.

УДК 821.111-31
ББК 84 (4Вел)-44

ISBN 978-5-17-081510-4

© Моэм С., 1898,1946
© Издательство АСТ, 1898,1946

Содержание

Сотворение Святого	5
Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	39
Глава 11	41
Глава 12	45
Глава 13	49
Глава 14	52
Глава 15	55
Глава 16	59
Глава 17	61
Глава 18	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сомерсет Моэм

Сотворение Святого. Тогда и теперь

Сотворение Святого

*Юность, юность, ты чудесна,
Хоть проходишь быстро путь.
Счастья хочешь – счастлив будь
Нынче, завтра – неизвестно¹.*

Лоренцо де Медичи. Триумф Вакха и Ариадны

Предисловие

Перед вами мемуары блаженного Джулиано, монаха ордена святого Франциска Ассизского, известного в мире как Филиппо Брандолини. Я, Джулио Брандолини, последний отпрыск его рода. После смерти фра² Джулиано рукопись передали его племяннику, Леонелло, ставшему, согласно завещанию, наследником, и с тех пор она переходила от отца к сыну как семейная реликвия, хранящая память о человеке, чье благочестие и добрые дела до сих пор прославляют фамилию Брандолини.

Вероятно, есть необходимость объяснить причину, по которой мы решились обнародовать эти мемуары. Будь моя воля, я бы оставил их среди прочих семейных документов, но моя жена настояла на обратном. Покинув Новый Свет, чтобы стать графиней Брандолини, супруга проявила живой интерес к тому факту, что один из моих предков прославил себя добрыми делами и папа римский причислил его к лику блаженных. Произошло это по настоятельным просьбам внучатого племянника вскоре после смерти фра. Если бы наша семья по-прежнему процветала, как в пятнадцатом и шестнадцатом столетиях, его бы, несомненно, канонизировали, потому что документально засвидетельствованы необходимые для канонизации чудеса, совершенные как мощами фра Джулиано, так и благодаря молитвам, вознесенным у его могилы. Но поместья наши приходили в упадок, и мы не смогли позволить себе дополнительные расходы. Теперь моя жена вернула прежнее величие нашему дому, да только времена, увы, изменились. Старые, добрые обычаи наших отцов забыты, и нет никакой возможности возвести достойного человека в святые за наличные деньги. Однако моя жена пожелала опубликовать мемуары своего благочестивого предка. Проблема заключалась в том, что описываемые события не имеют никакого отношения к той жизни, которую вел фра Джулиано после ухода во францисканский монастырь в Кампомассе, да и очевидно, что из добрых дел, молитв и постов не сложится очень уж интересная история. Поэтому нам пришлось оставить за кадром его благочестие и рассказать о его грехах. Тем более что в оставленных мемуарах их можно найти на любой вкус.

Не ограничившись описанием собственной жизни, фра Джулиано начинает свое повествование с упоминания загадочного консула Римской империи, который и положил начало нашему роду постыдной связью с чужой женой. И продолжает рассказ сквозь бесчисленные столетия, пока не добирается до собственного зачатия и чудес, сопровождающих его рождение, которое он расписал в мельчайших подробностях. Далее он вспоминает годы детства и юности,

¹ Перевод Валерия Брюсова. – Здесь и далее примеч. пер.

² Сокращенное от *frater* (лат.) – брат. Частица, присоединяемая к имени католического монаха.

проведенные при дворе Бентивольо, правителя Болоньи, и службу в неаполитанской армии под командой герцога Калабрии. Но по объему мемуары невероятно велики, с множеством отступлений и подробностей, зачастую не связанных друг с другом. Поэтому даже тщательное редактирование не позволяло добиться ясного и последовательного изложения событий.

Фра Джулиано сам разделил свою жизнь на две части. Первую назвал «Временем меда», то есть годами ожидания, вторую – «Временем горечи», поскольку ожидания эти не стали явью. «Время горечи» начинается с его прибытия в город Форли³ в 1488 году, и именно эту часть мемуаров мы решили опубликовать, потому что, несмотря на краткость, этот период его жизни наиболее насыщен событиями, и рассказ о них получился очень ярким. Центральное место в нем занимает заговор, результатом которого становится убийство Джироламо Риарио, а в финале повествования автора принимают в орден святого Франциска. Эту часть мемуаров я публикую в том самом виде, в каком она и написана, не добавляя и не убавляя ни слова. Не буду отрицать, я бы с удовольствием чуть подправил бы эту историю, ибо англосаксы – нация идеалистов, что подтверждено многими их деяниями как в международной политике, так и в торговле, и правду они всегда находят в какой-то степени нелицеприятной. У меня есть друг, который недавно написал роман о лондонских бедняках⁴. Так критики пришли в ужас, потому что персонажи опускали букву «эйч», с их губ часто срывались ругательства, да и вели они себя не столь элегантно, как могли бы, если бы брали пример с представителей высшего общества. И нашлось немало читателей, которые испытали шок, обнаружив, что в этом мире существуют люди, не обладающие утонченностью и интеллигентностью, и что эти качества не относятся к числу врожденных. Автор забыл, что правда – обнаженная женщина, а нагота всегда постыдна, если только не поучает. Раз уж правда нашла себе пристанище на дне колодца, она отдает себе отчет (в этом нет никаких сомнений), что ей не место в компании приличных людей.

Я прекрасно понимаю, что персонажей этой драмы побуждали к действию не высокие моральные принципы, которыми они могли бы руководствоваться, получив образование в престижной английской частной школе. Но возможно, читатель найдет оправдание по ступкам героев, помня о том, что события эти происходили более четырехсот лет назад, и участвовали в них не убогие бедняки, а люди высокого происхождения. Если они грешили, то грешили изысканно, и многое можно простить тем, чья родословная безупречна. И автор, словно не желая оскорбить чувства своих читателей, позаботился о том, чтобы заклеить презрением только одного персонажа, семья которого не считалась уважаемой.

Прежде чем откланяться и оставить читателя наедине с Филиппо Брандолини, я позволю себе описать его внешность, запечатленную на портрете, написанном в том же 1488 году и принадлежащем нашей семье до начала этого столетия⁵, когда он был продан, как и многие другие произведения искусства, путешественникам, посещавшим Италию. Моей жене удалось выкупить часть полотен, но портрет Филиппо остался в собственности одного английского дворянина, который отказался расстаться с картиной, однако проявил любезность и позволил написать копию, занимающую теперь место оригинала.

На картине мы видим мужчину среднего роста, стройного и приятной наружности, с маленькой черной бородкой и усами. Овальное лицо, смуглая кожа, красивые темные глаза, которые смотрят на мир, излучая безграничное счастье. Написан портрет вскоре после женитьбы Филиппо. Одет он по моде того времени и держит в руке пергаментный свиток. В верхнем правом углу дата и герб нашего рода: вздыбленный грифон, крест, дворянская корона. Девиз – *Felicitas*⁶.

³ Один из древнейших городов Италии. По легенде, основан консулом Гаем Ливиусом Салинатором в 188 году до н. э. Расположен в Северной Италии, в области Эмилия-Романья.

⁴ Речь идет о первом романе Сомерсета Моэма «Лиза из Ламбета», опубликованном в 1897 г.

⁵ Роман Сомерсета Моэма «Сотворение Святого» впервые опубликован в 1898 г.

⁶ Удача, счастье, успех (ит.).

Глава 1

– Позволь представить тебе моего друга Филиппо Брандолини, дворянина из Читта-ди-Кастелло⁷, – потом, повернувшись ко мне, Маттео добавил: – Это мой кузен, Кеччо д’Орси.

Кеччо д’Орси улыбнулся и поклонился:

– Мессир Брандолини, я безмерно рад нашему знакомству. Вы самый желанный гость в моем доме.

– Вы очень добры, – ответил я. – Маттео много рассказывал мне о вашем гостеприимстве. Кеччо вновь поклонился и повернулся к кузену.

– Маттео, вы только что прибыли?

– Мы приехали рано утром. Я хотел сразу пойти к тебе, но Филиппо, страдающий невыносимым тщеславием, настоял на том, чтобы мы провели пару часов в гостинице, где он мог привести себя в порядок.

– А как ты провел эти часы, Маттео? – спросил Кеччо, вопросительно оглядев наряд и сапоги кузена.

Маттео бросил взгляд на свои сапоги и плащ:

– Я не столь элегантен! Возвращение в родной город вызвало у меня такой прилив сентиментальности, что я не смог уделить внимание собственной внешности, зато возобновил знакомство с вином. Ты знаешь, Филиппо, что мы очень гордимся нашим местным вином.

– Вроде бы ты никогда не страдал сентиментальностью, Маттео, – заметил Кеччо.

– Сегодня, когда мы прибыли сюда, она проявилась в полной мере, – возразил я. – Он всем восторгался, признавался в любви к Форли, хотел бродить по городу в это холодное утро и рассказывать мне забавные истории о своем детстве.

– Мы, профессиональные сентименталисты, не способны проявить сентиментальность к чему-либо помимо себя, – ответил Маттео.

– Я проголодался, – со смехом продолжил я, – а тебе чувствительность не к лицу. Даже твоя лошадь выказывала недоверие.

– Дикарь! – ответил Маттео. – Разумеется, от волнения я не мог уделять должного внимания лошади, она поскользнулась на этой брусчатке и едва не сбросила меня, а Филиппо, вместо того чтобы посочувствовать, расхохотался.

– Очевидно, сантименты – это все-таки не твое, – указал Кеччо.

– Боюсь, ты прав. А вот Филиппо может часами предаваться романтическим грезам, хуже того – предается, но в жизни ничего романтического у него не происходит. А меня можно извинить – все-таки я прибыл в родной город после четырех лет разлуки.

– Мы принимаем твои извинения, Маттео, – кивнул я.

– Но это правда, Кеччо, я рад возвращению. Сам вид этих древних улиц, дворца наполняет мое сердце счастьем, и я чувствую... не могу выразить словами, что я чувствую.

– Что ж, наслаждайся, пока можешь, потому что, возможно, ты не всегда найдешь здесь радушный прием. – Голос Кеччо звучал серьезно.

– Это еще почему? – спросил Маттео.

– Об этом поговорим позже. А пока лучше повидайтесь с моим отцом и отдохните. После такой поездки вы наверняка устали. Вечером мы устраиваем большой прием, на котором ты встретишь давних друзей. Граф соблаговолил принять мое приглашение.

– Соблаговолил? – Маттео вскинул брови и по смотрел на кузена.

Кеччо горько улыбнулся:

⁷ Древний город в итальянском регионе Умбрия в провинции Перуджа.

– Времена после твоего отъезда изменились, Маттео. Форлийцы теперь подданные и придворные.

Пресекая дальнейшие расспросы, он поклонился и оставил нас.

– Что же тут происходит? – покачал головой Маттео. – Как тебе он?

Во время разговора я с интересом присматривался к Кеччо д’Орси, высокому, темноволосому, с окладистой бородой и усами, лет сорока от роду. Сходство между ним и Маттео определенно просматривалось: темные волосы и глаза, но у Маттео лицо было шире, скулы выступали сильнее, а кожа заметно погрубела от солдатской жизни. Более худошавый и серьезный Кеччо выглядел гораздо более одаренным; Маттео, увы, умом похвалиться не мог.

– Он очень благожелательный, – ответил я.

– Немного заносчивый, но он хотел выказать радушие. Над ним довлеет положение главы нашего рода.

– Но его отец жив.

– Да, но ему восемьдесят пять, он глух как пень и слеп, как летучая мышь. Старик сидит в своей комнате, тогда как Кеччо дергает за ниточки, а нам, беднягам, приходится только кланяться и делать все, что он нам говорит.

– Я уверен, тебе это только идет на пользу, – хмыкнул я. – Мне любопытно узнать, почему Кеччо так говорит о графе. Когда я приезжал сюда в прошлый раз, они были закадычными друзьями. Знаешь, пойдем выпьем, раз уж мы выполнили свой долг.

Мы пошли в гостиницу, где оставили лошадей, и заказали вина.

– Принеси самого лучшего, мой толстый друг, – крикнул Маттео хозяину. – Этот господин нездешний и не знает, что такое вино. Он вырос на кислом соке Читта-ди-Кастелло.

– Вы живете в Читта-ди-Кастелло? – спросил хозяин гостиницы.

– Мне бы хотелось там жить, – ответил я.

– Его изгнали из родной страны для ее же блага, – прокомментировал Маттео.

– Это неправда. Я уехал по собственной воле.

– И скакал так быстро, насколько мог, потому что его преследовали двадцать четыре всадника.

– Именно! Они не хотели, чтобы я уезжал, и когда я решил, что смена обстановки пойдет мне на пользу, послали целый конный отряд, чтобы убедить меня вернуться.

– Твоя голова, поднятая на пике, украсила бы главную площадь.

– Тебя эта мысль забавляет, – ответил я Маттео, – но тогда мне было совсем не до смеха.

Я вспомнил тот день, когда мне сообщили, что Вителли, тиран Кастелло, подписал указ о моем аресте. Зная, как молниеносно он расправляется со своими врагами, я попрощался с отчим домом, возможно, с неприличной поспешностью... Но старик умер, а его сын, призвав флорентийцев, повесил на окнах дворца тех отцовых друзей, которые не успели сбежать. В Форли я проездом по пути домой, чтобы вернуть конфискованную собственность, в надежде, что ее временный владелец, окончивший свой жизненный путь, болтаясь на веревке в сотне футов над землей, не оставил ее в запустении.

– Так что ты думаешь о нашем вине? – спросил Маттео. – Сравни его с тем, что пьют в Читта-ди-Кастелло.

– Я его еще не распробовал, – добродушно улыбнулся я. – Незнакомые вина я всегда выпиваю зал пом – как лекарство.

– *Brutta bestia!*⁸ – воскликнул Маттео. – Ты не судья.

– Пить можно. – Я рассмеялся и отпил маленький глоток. Маттео пожал плечами.

⁸ Грубое животное! (ит.)

– Эти иностранцы! – презрительно бросил он. – Иди сюда, толстяк, – позвал он хозяина гостиницы. – Скажи мне, как дела у графа Джироламо и несравненной Катерины? Когда я уезжал из Форли, горожане дрались за право целовать землю, по которой они проходили.

Толстяк пожал плечами:

– В моей профессии должно следить за тем, что говоришь.

– Не болтай глупостей. Я не согладатай.

– Что ж, мессир, горожане больше не борются за право целовать землю, по которой прошел граф.

– Ясно.

– Вы понимаете, после того как умер его отец...

– Когда я жил здесь, Сикста⁹ называли его дядей.

– Судя по разговорам, он слишком его любил, чтобы не быть ему отцом, но, разумеется, я ничего не знаю. У меня и в мыслях нет сказать что-нибудь оскорбительное о его святейшестве, касается это прошлого или настоящего.

– Ладно, продолжай.

– Видите ли, мессир, когда папа умер, граф Джироламо ощутил нехватку денег и вновь ввел налоги, ранее им отмененные.

– И в результате...

– Что ж, люди начали шептаться о его расточительстве. И они говорят, что Катерина ведет себя будто она королева. Хотя мы все знаем, что она незаконнорожденная дочь старика Сфорцы¹⁰ из Милана. Но разумеется, ко мне это не имеет никакого отношения.

Маттео и я начали клевать носом, потому что скакали всю ночь. Мы пошли наверх, приказав разбудить нас перед вечерним празднеством, и скоро уже спали.

Вечером Маттео зашел ко мне и принялся изучать мои одежды.

– Вот о чем я думаю, Филиппо, наверное, в первый раз перед многочисленными дамами, которые могут положить на меня глаз, мне следует предстать во всей красе.

– Я полностью с тобой согласен, – ответил я, – но не понимаю, что ты проделываешь с моей одеждой?

– Никто тебя не знает, так что совершенно не важно, как ты будешь выглядеть. А у тебя столько красивых вещей, вот я и собираюсь воспользоваться твоей добротой и...

– Ты собираешься взять мою одежду! – Я выпрыгнул из кровати, но Маттео с охапкой одежды уже выбежал из комнаты, захлопнул дверь и запер ее снаружи, оставив меня с носом.

Я всячески обругал его, но он ушел смеясь, так что мне не осталось ничего другого как надеть лучшее из того, что уцелело. Полчаса спустя он вернулся к двери.

– Хочешь выйти? – любопытствовал он.

– Конечно, хочу. – Я пнул дверь.

– Обещаешь не буйствовать?

Я помедлил с ответом.

– Если не пообещаешь, я тебя не выпущу.

– Ладно! – смеясь, ответил я.

Маттео распахнул дверь и возник на пороге, с ног до головы в моих новых нарядах.

– Ты варвар! – воскликнул я, забавляясь его нахальством.

– Ты тоже неплохо выглядишь с учетом обстоятельств, – ответил он, спокойно взирая на меня.

⁹ Сикст IV, в миру Франческо делла Ровере (1414–1484) – папа римский в 1471–1484 гг.

¹⁰ Франческо Сфорца (1401–1466) – основатель миланской ветви династии Сфорца.

Глава 2

Когда мы прибыли во дворец д'Орси, многие гости уже собрались. Маттео тут же окружили его друзья, и не меньше двадцати женщин махали ему руками из разных концов зала, так что пути наши разошлись и мне не оставалось ничего другого как бесцельно слоняться в толпе. Наконец я оказался рядом с группой мужчин, так плотно окруживших одну женщину, что я даже не смог ее рассмотреть. К ним присоединился и Маттео, и они смеялись над какой-то его шуткой. Я уже отвернулся, чтобы двинуться дальше, когда услышал, как Маттео зовет меня.

– Филиппо, – он направлялся ко мне, – пойдем, я познакомлю тебя с донной Джулией. Она попросила представить тебя.

Он взял меня за руку, и я увидел, что женщина и ее кавалеры смотрят на нас.

– Самая очаровательная женщина Форли, – шепнул он мне на ухо.

– Позвольте мне расширить круг ваших воздыхателей, донна Джулия. – После этих слов мы с Маттео поклонились. – Мессир Филиппо Брандолини, как и я, профессиональный солдат.

Передо мной предстала грациозная, миниатюрная женщина в парчовом платье, с маленьким личиком, на котором выделялись огромные карие глаза, излучавшие нежность и ласку. Личико обрамляли роскошные красновато-каштановые волосы, на губах играла пленительная улыбка.

– Мы спрашивали Маттео о нанесенных ему ранах, – заговорила она, обворожительно улыбаясь мне. – Он говорит нам, что все они в области сердца.

– В этом случае, – ответил я, – здесь он оказался на поле боя, более опасном, чем любое из тех, на которых мы побывали во время войны.

– Какой войны? – спросил мужчина, стоявший рядом с Джулией. – Ныне мы живем в такое счастливое время, когда на территории нашей страны идет с десятков различных войн.

– Я служил под началом герцога Калабрии, – ответил я.

– В таком случае ваши битвы были бескровные.

– Мы пришли, увидели и обратили врага в бегство, – вставил Маттео.

– И теперь, воспользовавшись преимуществами мирной жизни, вы приехали, чтобы будоражить сердца Форли, – вновь улыбнулась мне донна Джулия.

– Кто знает, может, ваши мечи окажутся здесь очень кстати! – вырвалось у какого-то молодого человека.

– Помолчи, Никколо! – бросил другой.

Возникла напряженная пауза, по ходу которой мы с Маттео удивленно переглянулись, а потом все мужчины вдруг заговорили одновременно, так что понять, кто что сказал, не представлялось возможным. Маттео и я откланялись, покинули донну Джулию и направились к Кеччо, стоявшему среди группы мужчин.

– Вы успели отдохнуть? – спросил Кеччо.

– Ты путешествовал, Маттео? – спросил один из гостей.

– Да, вчера проскакали шестьдесят миль, – ответил Маттео.

– Шестьдесят миль на одной лошади – у вас, должно быть, хорошие скакуны и богатое воображение, – прокомментировал уродливый, с землистым цветом лица господин, которого я возненавидел с первого взгляда.

– Такое случается крайне редко, и мы хотели скорее добраться домой.

– Вы не могли бы ехать быстрее, если бы бежали с поля боя, – добавил незнакомец.

Я подумал, что он сознательно нарывается на скандал, но промолчал. Маттео не стал придерживать этого золотого правила.

– Вы говорите, как человек, имеющий в этом немалый опыт. – Юноша обаятельно улыбнулся.

Я заметил, как Кеччо нахмурился, а на лицах остальных появился интерес.

– Я это сказал лишь потому, – мужчина пожал плечами, – что герцог Калабрии знаменит отступательной тактикой.

– Возможно, вы не слишком сведущи в тактике, – насмешливо произнес я.

Он повернулся и посмотрел на меня, как бы говоря: «А кто ты, черт побери, такой?» Пренебрежительно оглядел с головы до ног, и я почувствовал, что вот-вот потеряю терпение.

– Мой дорогой молодой человек, судя по всему, я уже воевал, когда вы сражались разве что с нянькой в детской.

– Вы превосходите меня как в учтивости, так и в годах, мессир, – ответил я. – Но я смею предположить, что человек может сражаться всю жизнь, однако и в ее конце смыслить в войне не больше, чем в начале.

– Все зависит от интеллектуального уровня, – вставил Маттео.

– Именно об этом я и толкую, – кивнул я.

– И что это, черт побери, значит? – сердито бросил мужчина.

– Полагаю, ничего не значит, Эрколе, – вмешался Кеччо и деланно рассмеялся.

– Думаю, он может ответить сам, – фыркнул неприятный господин. Краска залила лицо Кеччо, но он промолчал.

– Мой дорогой господин, вы должны принять во внимание мое желание отвечать.

– Дерзкий мальчишка!

Я положил руку на рукоятку меча, но Кеччо схватил меня за запястье. Я разом пришел в себя.

– Прошу меня извинить, мессир Кеччо. – И я повернулся к Эрколе: – Вы вольны оскорблять меня здесь. Этим вы демонстрируете собственные манеры! Знаешь, Маттео, ты не говорил мне, что у тебя есть такие обаятельные соотечественники.

– Не суди нас строго, Филиппо, – ответил мой друг, – ибо Форли не несет ответственности за такое чудовище.

– Я родом не из Форли, слава Богу! Ни граф, ни я. – Господин пренебрежительно огляделся. – Мы благодарим Господа всякий раз, когда заходит такой разговор. Я гражданин Каstellо.

Маттео уже собирался взорваться, но я заговорил первым:

– Я тоже гражданин Каstellо, и позвольте сообщить вам, что я нахожу вас чрезвычайно кичливым и приношу свои извинения присутствующим за то, что мой соотечественник забыл об уважении, которое должно проявлять к жителям города, оказывающим гостеприимство.

– Вы из Каstellо! Так кто же вы?

– Меня зовут Филиппо Брандолини.

– Я знаю вашу семью. Я Эрколе Пьячентини.

– Не могу ответить вам тем же. Никогда не слышал о вашей семье.

Стоявшие вокруг мужчины засмеялись.

– Моя семья ничем не хуже вашей, мессир.

– Знаете, я не знаком со средним классом Каstellо, но у меня нет сомнений, что ваша семья очень достойная.

Я обратил внимание, что слушателям очень нравились мои реплики, из чего сделал вывод, что мессира Эрколе Пьячентини в Форли не жалуют, но Кеччо выглядел озабоченным.

– Наглый мальчишка! – взвился мужчина. – Как ты смеешь так говорить со мной! Я дам тебе пинка.

Я снова попытался выхватить меч, но чья-то рука остановила меня, и я услышал слова Кеччо:

– Не дури. Успокойся.

– Отпустите меня! – воскликнул я.

– Не дури. Ты нас погубишь. – Он крепко держал мои руки, не позволяя мне вытащить меч.

Эрколе видел, что происходит. Его губы разошлись в злорадной улыбке.

– Вам дают полезный урок скромности, молодой человек. И вы не единственный, кому пришлось его выучить. – Он оглядел мужчин, стоявших рядом.

В этот момент к Кеччо подошел слуга и объявил:

– Граф!

Группа сразу распалась, Кеччо направился к другому концу зала, сопровождаемый Эрколе Пьячентини и другими гостями. Маттео и я остались на месте. В зал вошли граф и графиня, следом – их свита.

Конечно же, мой взгляд задержался на Катерине, восхитительно красивой. Высокая, хорошо сложенная женщина, она держалась гордо и шла с высоко поднятой головой.

– Ее без труда можно принять за дочь короля! – пробормотал Маттео, не отрывая от нее изумленных глаз.

– И она так похожа на Франческо, – добавил я.

Мы оба безмерно восхищались Франческо Сфорцей, королем кондотьеров¹¹, который проделал путь от простого солдата до правителя самого гордого герцогства в мире. И Катерина, его дочь, унаследовала волевые черты лица и пронизательный взгляд, только грубая, в оспинах, кожа Сфорцы уступила место гладкой и бархатистой. А какое-то время спустя Катерина доказала, что от отца ей досталось не только внешнее сходство, но и мужество... Ее великолепное платье из серебряной ткани при ходьбе струилось и переливалось, в волосы, как обычно, были вплетены золотые и серебряные нити, но великолепные каштановые пряди блестели ярче металлических украшений, которые лишь подчеркивали красоту волос. Катерина что-то сказала, и ее голос, низкий и сильный, звучал как мужской.

Маттео и я, не отрывая взгляда, смотрели на нее, а потом оба воскликнули: «Черт побери, она прекрасна!»

Я начал вспоминать сказочные истории, которые рассказывали о Катерине в Риме, где она заморозила всех своей красотой, и Сикст транжирил богатства церкви ради удовлетворения ее прихотей и фантазий: банкеты, балы, пышные зрелища и великолепные церемонии сменяли друг друга, город опьянел от вина и сходил с ума от ее красоты.

Внезапно Маттео ткнул меня в бок:

– Взгляни на Джироламо!

Я поднял глаза и увидел, что он стоит совсем близко от меня, высокий мужчина, мускулистый и широкоплечий, с крупным, массивным лицом, тяжелым подбородком, длинным крючковатым носом и маленькими, очень подвижными глазами. Красная и грубая кожа его оставляла неприятное впечатление. Одежда же своим великолепием могла соперничать с платьем жены.

– В нем проглядывают черты деда. – Я вспомнил, что отец Сикста, основатель рода, начал простым матросом в Ровезе.

Граф беседовал с Кеччо, и разговор, похоже, шел о нас, потому что Джироламо повернулся и направился к Маттео.

– Блудный сын вернулся, – кивнул он. – Мы обязательно заведем по этому поводу жирного теленка. Но на этот раз ты должен остаться с нами, Маттео. Мы можем взять тебя на службу так же, как и герцог Калабрии. – Маттео мрачно улыбнулся, а граф уже повернулся ко мне: – Кеччо рассказал мне и о вас, мессир, но, боюсь, наши шансы удержать вас минимальны, раз уж вы перелетная птица, однако я надеюсь, что вы побываете во дворце, где встретите самый радушный прием.

¹¹ Командир наемного отряда в Европе в XIV–XVI вв. или воин, состоявший на службе в таком отряде.

Пока он говорил, его глаза пребывали в непрерывном движении – вверх-вниз, вправо-влево, – и я чувствовал, что он буквально просвечивает меня насквозь... после этих слов он улыбнулся без толики веселья, механически, вроде бы вежливо, и с поклоном двинулся дальше. Я глянул на Маттео и увидел, что он злобно смотрит вслед графу.

– Что такое? – спросил я.

– Он дьявольски пренебрежителен, – ответил Маттео. – При нашей последней встрече мы обнимались, но, Бог свидетель, с тех пор он заважничал!

– И твой кузен что-то такое говорил, – напомнил я.

– Да, теперь я понимаю, о чем шла речь.

Мы прогуливались по залу. Смотрели на людей, разговаривали.

– Посмотри, какая красивая женщина! – Я указал на пышнотелую даму, покрасневшую, с большой грудью.

– Твой взгляд притягивается к красивым женщинам, как сталь к магниту, Филиппо, – рассмеялся Маттео.

– Представь меня, – попросил я, – если она не кусается.

– Никогда в жизни, хотя она, судя по всему, уже обратила на тебя внимание. Но это жена Эрколе Пьячентини.

– Мне все равно: я собираюсь убить этого человека, что не может быть помехой для знакомства с его женой.

– Ты окажешь ей двойную услугу, – кивнул Маттео, и мы направились к ней.

– Клаудия, взгляд твоих роковых глаз пронзил еще одно сердце. Чувственные губы изогнулись в улыбке.

– Неужто у него такая сила? – Она пристально всмотрелась в меня и чуть подвинулась. Мы с Маттео сразу поняли намек, так что я устроился рядом, а Маттео удалился.

– Я-то думала, что вы уже пали жертвой мадонны Джулии. – Клаудия томно посмотрела на меня, а потом искоса глянула на упомянутую даму.

– Никто не поклоняется луне, когда светит солнце, – вежливо ответил я.

– Джулия больше походит на солнце, потому что собирает всех мужчин в свои объятия. Я более скромная.

– Это говорит лишь о том, что вы более жестокая.

Она промолчала и лишь глубоко вздохнула, улыбаясь, не сводя с меня больших томных глаз.

– А вот и мой муж.

Я поднял голову и увидел великого Эрколе, который злобно смотрел на меня, и мысленно рассмеялся.

– Должно быть, он сильно ревнует такую красивую жену? – полюбопытствовал я.

– Ох, он ужасен. Ревнует меня до смерти.

Учитывая обстоятельства, я решил воспользоваться моментом: пододвинулся ближе.

– Я это понимаю. У меня затрепетало сердце, как только я вас увидел.

Она одарила меня долгим взглядом из-под ресниц.

– Эти глаза! – воскликнул я, пристально вглядываясь в них.

– Ах! – вновь вздохнула она.

– Мадам, – к ней подошел паж, – месье Пьячентини просит узнать, не сообразовали ли вы подойти к нему.

Раздраженный вскрик сорвался с ее губ:

– Мой муж!

Она поднялась, повернулась ко мне, протягивая руку. Я вскочил, предложил ей свою, и мы степенно пересекли зал, направляясь к Эрколе Пьячентини. Там она мне грациозно покло-

нилась, я ослепительно улыбнулся счастливому мужу, который в тот момент выглядел очень мрачным и сделал вид, словно и не заметил меня. Что ж, я отошел крайне довольный собой.

Граф и графиня уже собрались уходить. За ними последовали Эрколе и его жена, а также другие гости, и вскоре в зале остались только мы с Маттео, еще двое гостей и Кеччо.

Глава 3

Кеччо провел нас в небольшую комнату, расположенную в некотором удалении от зала приемов, и повернулся к господину, которого я не знал.

– Ты слышал Пьячентини?

– Да! – ответил тот, и какое-то время они молча смотрели друг на друга.

Мне сказали, что зовут его Лодовико Пансекки, он наемный солдат и служит у графа.

Кеччо развернулся и пристально посмотрел на меня. Маттео сразу понял, что означает этот взгляд.

– Филиппо не бойся. Он так же верен тебе, как и я.

Кеччо кивнул. Потом подал знак молодому человеку, который тут же поднялся, направился к двери, закрыл и запер ее. Какое-то время мы сидели молча. Потом Кеччо встал.

– Я этого не понимаю, – вырвалось у него. Он закружил по комнате, наконец остановился передо мной.

– Вы никогда раньше не видели этого человека?

– Никогда! – подтвердил я.

– Ссору затеял сам Эрколе, – вставил молодой человек, как я потом понял, Алессандро Моратини, брат Джулии даль Эсти.

– Я знаю, – кивнул Кеччо, – но он не решился так вести себя, если бы не знал о каких-то планах Джироламо. – Он помолчал, вновь посмотрел на меня: – Вы не должны задира́ть его.

– Наоборот, – ответил я, – должен. Он меня оскорбил.

– Это не важно. Я не допущу, чтобы вы его задирали.

– Это касается только меня.

– Чуть! Вы гостите в моем доме, и, насколько я понимаю, это та самая возможность, которую выискивает Джироламо.

– Я не понимаю, – честно признал я.

– Послушайте, – Кеччо вновь сел, – когда Сикст передал Форли своему племяннику, Джироламо Риарио, я, показав себя полным дураком, сделал все, чтобы подчинить ему город. Мой отец был против, но я отменил его возражения и поставил наш род ему на службу. Без меня он никогда бы не стал правителем Форли.

– Я помню, – кивнул Маттео. – Ты использовал Сикста для того, чтобы не допустить возвращения Орделаффи, и ты думал, что Джироламо станет орудием в наших руках.

– Я не отдал бы город в руки человека, которого раньше никогда не видел... Но с тех пор прошло восемь лет. И Джироламо отменил самые большие налоги, гарантировал городу множество привилегий и взошел на трон вместе с Катериной.

– Под радостные крики, – добавил Алессандро.

– Через какое-то время популярностью он затмил Орделаффи, и, когда он проходил по улицам, люди подбегали, чтобы поцеловать полу его плаща. Он проводил много времени в Риме, но направлял богатство папы на украшение Форли, а когда приезжал, пиры и балы следовали один за другим.

Потом папа Сикст умер и Джироламо обосновался в Форли, во дворце, который перестроил для своих нужд. Пиры и балы продолжались. Когда высокородный чужестранец приезжал в город, граф и его жена устраивали в его честь роскошный прием, чтобы показать богатство и процветание города.

Поэты на все голоса прославляли правителя, а люди повторяли вирши поэтов...

Потом наступила катастрофа. Я часто предупреждал Джироламо, потому что мы были близкими друзьями... тогда. Я говорил, что нельзя жить в той роскоши, к которой он привык, когда он мог распорядиться всеми богатствами христианского мира и тратил на ожерелье

Катерины сумму, равную годовому бюджету какого-нибудь города. Он не слушал. Отвечал: «Я не могу быть жадным и прижимистым», – и называл это политикой. «Чтобы быть популярным, нужно быть великолепным». Но наступил момент, когда казна опустела и ему пришлось брать деньги в долг. Он делал заемы в Риме, и Флоренции, и Милане и все это время не сокращал расходы, учитывая, а, наоборот, тратил все больше. И когда более не мог одалживаться на стороне, он пришел к гражданам Форли, прежде всего ко мне, и я неоднократно ссужал ему крупные суммы. Но этого не хватало, и он посылал за самыми богатыми жителями Форли и просил денег. Естественно, ему никто не мог отказать. Но он растранижил их деньги, как растранижил собственные, и в один прекрасный день созвал совет.

– Да, – кивнул Алессандро. – Я там был. И слышал его. Кеччо продолжил, едва Алессандро замолчал.

– Он пришел в зал заседаний совета, как всегда, в великолепных одеждах и начал разговаривать с сенаторами, с каждым в отдельности, очень вежливо, смеялся, пожимал руки. Потом, пройдя на свое место, произнес речь. Напомнил о мягкости своего правления, о процветании города в последние годы, объявил о возникших у него проблемах и, наконец, попросил вернуть ранее отмененные налоги. Они были настроены против него, потому что многие в частном порядке уже одолжили ему деньги, но вел он себя так обаятельно, говорил столь убедительно, что все вдруг увидели разумность его требований. Я знаю, что и сам во всем пошел бы ему навстречу.

– Если он только начнет говорить, то от любого добьется всего, что ему нужно, – вставил Лодовико.

– Совет единогласно проголосовал за введение прежних налогов, и Джироламо рассыпался в благодарностях.

Последовала пауза, прерванная Маттео.

– И что потом? – спросил он.

– Потом он уехал в Имолу¹², – ответил Кеччо, – и там начал тратить деньги, собранные здесь.

– И как теперь к нему относятся в Форли?

– Когда пришло время платить налоги, Джироламо перестали возносить хвалу. Сначала жители бурчали себе под нос, потом возмущенные голоса зазвучали громче, и скоро все кто мог уже криком честили Джироламо и его жену. Граф услышал об этом и приехал из Имолы, думая, что одним своим присутствием утихомирит город. Но этот дурак не понимал, что своим видом только злит народ. Они видели его роскошные костюмы, золотые и серебряные платья его жены, драгоценности, пирушки и знали, что все это оплачено из их карманов. Деньги, которые люди могли бы потратить на еду для детей и на свои нужды, тратились на безумную роскошь, в которой купались фаворит прежнего папы и его незаконнорожденная жена.

– А как он относился к нам? – Лодовико в сердцах стукнул кулаком по столу. – Я служил у герцога Калабрии, и он делал мне такие искушающие предложения, что я покинул неаполитанскую армию, чтобы вступить в папскую армию. И теперь, четыре года спустя, я не получил и ломаного гроша за свою службу. Когда я спрашивал его, он успокаивал меня ласковыми словами, но теперь обходится и без них. Несколькими днями раньше я остановил его на площади и, упав на колени, умолял вернуть долг. Он меня оттолкнул и сказал, что не может мне заплатить, хотя драгоценный камень на его груди стоил в десять раз дороже тех денег, которые он мне задолжал. И смотрит он на меня хмуро, а ведь я служил ему как верный пес. Я этого не выдержу! Клянусь Богом, не выдержу! – Он сжал кулаки и замолчал, кипя от ярости.

¹² Город, основанный в 82 г. до н. э. В описываемое время Джироламо был также и правителем Имолы. К достопримечательностям города относится замок Сфорца, построенный Джироламо для Катерины Сфорца.

– А знаете, как он отблагодарил меня? – спросил Кеччо. – Я одолжил ему так много денег, что он не решается просить еще. Теперь же за мной оказался небольшой должок по налогам, так он прислал за ним сборщика. А когда я сказал, что сейчас заплатить не могу, он вызвал меня к себе и сам потребовал денег.

– И что ты сделал? – спросил Маттео.

– Я напомнил ему о деньгах, которые он мне задолжал, и он сообщил мне, что частные долги не имеют ничего общего с долгом перед государством, заявив, что я должен заплатить, а иначе все будет, как того требует закон.

– Он, должно быть, рехнулся, – удивился Маттео.

– Он рехнулся, рехнулся от гордости и не понимает, что живет не по средствам.

– Говорю вам, это больше терпеть нельзя! – воскликнул Лодовико.

– И меня предупреждают, что он грозит заткнуть мне рот, – добавил Кеччо. – На днях он беседовал с Джузеппе Элбисиной и сказал ему: «Надо бы Кеччо поостеречься. Он может зайти слишком далеко и узнать, что рука правителя не такая мягкая, как рука друга».

– Я тоже слышал его слова, звучащие, как угрозы, – вставил Алессандро.

– Мы все слышали, – кивнул Лодовико. – Если Джироламо выходит из себя, он не думает, что говорит, и тогда становится ясно, какие планы вынашивают он и его молчаливая жена.

– Теперь, мессир, вы понимаете, в каком мы положении, – обратился ко мне Кеччо. – Под нами бушует огонь, а земля так тонка, что мы вот-вот провалимся в самое пекло. Вы должны пообещать более не искать повода для ссоры с вашим соотечественником, этим Эрколе Пьячентини. Он один из фаворитов Джироламо, и тот не позволит его тронуть. Если вы убьете Пьячентини, граф воспользуется этой возможностью, чтобы арестовать нас всех, и нас будет ждать судьба флорентийских Падзи¹³. Вы обещаете?

– Я обещаю отложить месть до более благоприятного времени.

– А теперь, господа, мы должны разойтись, – подвел Кеччо итог нашей встречи.

Когда мы прощались, Алессандро повернулся к Маттео.

– Завтра ты должен привести своего друга к моей сестре. Она будет рада видеть вас обоих.

Мы ответили, что безмерно счастливы такому предложению, и Алессандро и Лодовико Пансекки оставили нас. Маттео задумчиво посмотрел на Кеччо:

– Кузен, все это выглядит как заговор.

Кеччо даже вздрогнул.

– А что делать, если люди недовольны Джироламо.

– А ты? – настаивал Маттео. – Как я представляю себе, тебя не очень-то волнует, дерут с людей налоги или нет. Ты же знал, что рано или поздно налоги вновь будут брать сполна.

– Разве он не оскорбил меня, прислав ко мне сборщика за долгом?

– И это все? – Маттео пристально смотрел на кузена.

Кеччо опустил глаза, но потом вновь встретился взглядом с Маттео.

– Нет, – наконец ответил он. – Восемью годами раньше я был Джироламо ровней, а теперь я его слуга. Мы дружили, он любил меня как брата, а потом по явилась его жена, дочь Франческо Сфорцы, приبلуда, и постепенно он отдалился от меня. Стал холоден и сдержан, начал показывать, что он здесь хозяин, и теперь я не больше чем гражданин среди граждан, но никак не ровня правителю.

Кеччо какое-то время молчал, но на лице читалось неистовство его эмоций.

– Все это касается тебя в той же степени, что и меня, Маттео. Ты – д’Орси, а д’Орси не рождены слугами. Когда я думаю, что этот человек, внебрачный ребенок папы, относится ко мне так, словно выше меня по происхождению, у меня перехватывает дыхание. Я хочу кататься

¹³ Знатная и богатая флорентийская семья, враждовавшая с Медичи. Неудавшаяся попытка убийства Лоренцо Медичи, предпринятая в 1478 г., закончилась для Падзи крайне печально – смертью многих ее членов и конфискацией имущества.

по полу и рвать на себе волосы. Ты знаешь, что д'Орси знатны и богаты уже три столетия? Медичи бледнеют перед ними, потому что они были горожанами, а мы – всегда дворянами. Мы изгнали Орделаффи, потому что они хотели поставить над нами незаконнорожденного ребенка, и мы должны смириться с этим Риарио? Клянусь, я этого не вынесу.

– Хорошо сказано! – кивнул Маттео.

– Джироламо уйдет, как ушли Орделаффи. Бог свидетель, я в этом клянусь!

Я взглянул на Маттео и увидел, что страстность Кеччо зажгла и его: лицо покраснелось, глаза сверкали, голос стал хриплым.

– Но не повторяй свою же ошибку, Кеччо, – предупредил он. – Больше никаких правителей со стороны. В Форли должны править д'Орси.

Какое-то мгновение Кеччо и Маттео смотрели друг другу в глаза. Потом по телу первого пробежала дрожь, словно к нему вернулось благоразумие, он повернулся к нам спиной и вышел за дверь.

Маттео в задумчивости покружил по комнате и, повернувшись ко мне, сказал:

– Пошли.

Мы направились в нашу гостиницу.

Глава 4

На следующий день мы пошли к донне Джулии.

– Кто она? – спросил я у идущего рядом Маттео.

– Вдова!

– Что еще? – спросил я.

– Позорище Форли!

– Очень интересно, но с чего у нее такая репутация?

– Откуда мне знать? – смеясь, ответил он. – С чего у женщины возникает такая репутация? Она свела Джованни даль Эсти в могилу; ее завистницы говорили, что она отравила его, но это, конечно, сплетня, пущенная скорее всего Клаудией Пьячентини.

– И давно она вдова?

– Пять или шесть лет.

– Как она прожила эти годы?

Маттео пожал плечами:

– Как обычно живут вдовы! Лично я не понимаю, почему женщина в таком положении должна оставаться добродетельной. В конце концов молодость уходит, и ее лучше использовать в полной мере, когда она еще при тебе.

– Разве у нее нет родственников?

– Есть, конечно, отец и два брата. Но они ничего не слышат, или им на все наплевать. А кроме того, возможно, это всего лишь слухи.

– Ты говоришь так, будто все подтверждено фактами.

– Э, нет. Наверняка я знаю только одно: она далеко не глупая женщина. И раз уж репутация безнадежно испорчена, почему не вести себя так, будто все это правда?

– Что-то ты разволновался, – со смехом сказал я.

– Есть такое. – Маттео пожал плечами. – Я осаждал эту твердыню добродетели. Она отбивала все мои штурмы, взрывала прорытые мной тоннели, короче, так решительно оборонялась, что я обессилел и снял осаду. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить шесть месяцев на комплименты и лесть без уверенности, что в итоге тебя все-таки ждет награда.

– Очень уж практично ты смотришь на жизнь.

– Для меня, ты знаешь, одна женщина не отличается от другой. В конце все сводится к одному. И после того как тебя несколько лет носит по свету, поневоле приходишь к выводу, что нет разницы, брюнетки они или блондинки, толстые или тощие...

– Ты говорил все это донне Джулии? – спросил я.

– Более или менее.

– И как она отреагировала?

– Какое-то время сердилась. Пожалела о том, что не сдалась раньше, но время уже ушло. Это стало ей уроком!

Мы подошли к дому, и нас тут же провели к хозяйке. Донна Джулия очень вежливо поприветствовала нас, одарила меня взглядом и продолжила разговор со своими друзьями. Не составляло труда заметить, что все мужчины из окружения вдовы пребывали в той или иной степени влюбленности в нее, потому что следили глазами за каждым движением и боролись за улыбки, на которые донна Джулия не скупилась, одаривая то одного, то другого.

Маттео превзошел остальных в лестях. Я полагал, что он смеялся над ней, но она выслушивала все с серьезным видом, и, похоже, ей нравилось.

– Ты не рад, что вернулся в Форли? – спросила она.

– Мы счастливы от того, что ходим по земле, на которую ступала твоя нога!

– За время своего отсутствия ты стал таким учтивым.

– А каким мог быть результат, если каждый день я думал об очаровательной Джулии?
– Боюсь, в Неаполе тебя занимали другие мысли. Говорят, женщины там ослепительно красивы.

– В Неаполе? Дорогая моя, за все время отсутствия в Форли я не видел лица, которое могло бы сравниться с твоим.

Глаза Джулии засверкали от удовольствия. Я отвернулся, находя весь этот разговор глупым. Подумал, что смогу обойтись без лицемерия красоты мадонны Джулии, и решил больше не приходить сюда. Заговорил с одной из женщин, находившихся в зале, и время потекло незаметно... В какой-то момент Джулия прошла мимо меня в сопровождении одного из своих кавалеров и украдкой бросила взгляд в мою сторону, но я сделал вид, что ничего не заметил. Вскоре она вновь прошла рядом со мной, задержалась, будто хотела что-то сказать, но все же промолчала. Я подумал, что ее задело мое безразличие к ней, и, улыбнувшись, принялся с удвоенной силой очаровывать даму, с которой беседовал.

– Мессир Филиппо? – вскоре позвала меня Джулия. – Я буду вам очень признательна, если вы уделите мне минутку для разговора.

Я с улыбкой направился к ней.

– Мне не терпится услышать о вашей ссоре с Эрколе Пьячентини. Я уже слышала дюжину версий.

– Я удивлен, что наглое поведение невоспитанного мужлана вызывает такой интерес.

– Мы же должны о чем-то говорить. В этом смысле Форли не отличается от любого другого города. Я только знаю, что он вас оскорбил, а потом вам не позволили должным образом отомстить ему.

– Это еще впереди.

Она понизила голос и взяла меня за руку.

– Но мой брат говорил мне, что Кеччо заставил вас пообещать ничего не делать.

– Я ему обязательно отомщу... а ожидание только сделает месть слаще.

Полагая, что больше ей сказать нечего, я стоял, словно ожидая, когда она покинет меня.

Но донна Джулия внезапно вскинула голову и встретилась со мной взглядом:

– Я вам мешаю?

– Как такое может быть? – галантно ответил я.

– Мне показалось, что вам не терпится от меня избавиться.

– Как такая мысль могла прийти вам в голову? Разве вы не видите, что все мужчины лежат у ваших ног, ожидая каждого вашего слова или жеста.

– Да, – кивнула она, – но не вы!

Разумеется, я запротестовал.

– Я обратила внимание, что вы избегаете меня, – настаивала на своем донна Джулия. – После того как вы пришли сюда, вы не провели рядом со мной и минуты.

– Я не думал, что вы это заметите. Я действительно не уделил вам должного внимания.

– Конечно же, я заметила. И подумала, что чем-то обидела вас. Только не знаю чем?

– Дорогая моя, конечно же, вы не сделали ничего такого, что могло бы обидеть меня.

– Тогда почему вы избегаете меня? – недовольно спросила она.

– На самом деле я вас не избегаю, – ответил я. – Причина, вероятно, в моей скромности.

Я подумал, что вам безразлично мое присутствие рядом с вами. Извините, что вызвал ваше неудовольствие.

– Мне хочется нравиться людям, – доверчиво объяснила донна Джулия.

– Но с чего вы взяли, что не нравитесь мне? Действительно без всякой лести я заверяю вас, что никогда в жизни не видел более прекрасной женщины, чем вы.

Легкий румянец окрасил щеки Джулии, губы разошлись в улыбке, но, когда она заговорила, в голосе слышался упрек:

– Тогда почему вы старались скрыть это от меня?

Я улыбался, глядя в ее глаза цвета нежной ночной фиалки. Даже подумал, что она столь же обаятельна, сколь и прекрасна.

– Вы действительно хотите знать? – ответил я во просом на вопрос.

– Да, скажите мне! – Она чуть сжала мою руку.

– Я подумал, что с таким количеством воздыхателей вы сможете обойтись и без меня.

– Но вы же видите, – она обаятельно улыбнулась, – что не могу!

– И потом, я не люблю теряться в толпе. Не хочу делить ваши улыбки еще с двадцатью мужчинами.

– И ради этого готовы полностью отказаться от них?

– Я всегда стараюсь избегать женщин, которые становятся объектом всеобщего восхищения. Думаю, я слишком горд, чтобы бороться за благосклонность.

– Но, предположим, дама хочет отметить вас особо, а вы не предоставляете ей такой возможности.

– Это настолько редкий случай, что ради него не стоит поступаться принципом, – ответил я.

– Но такое может случиться. – Я пожал плечами, и после короткой паузы она продолжила: – Так я вам все-таки нравлюсь?

Я заметил легкую дрожь губ, чуть увлажнившиеся глаза и отругал себя за содеянное.

– Боюсь, я причинил вам боль.

– Да, это так.

– Извините. Я думал, вам все равно.

– Мне нравятся, когда люди любят меня и милы со мной.

– Я один из этих людей!

– Тогда вы должны это доказать. – И улыбка проглянула сквозь едва не пролившиеся слезы.

Я действительно вел себя крайне грубо и теперь искренне сожалел о том, что моими стараниями на ее сияющем личике появилось облачко. Теперь я видел, как она мила и обаятельна.

– Так теперь мы добрые друзья, так? – спросила она.

– Безусловно.

– Вы сможете почаще приходиться ко мне?

– Буду приходиться так часто, насколько вы мне позволите, – ответил я.

Она протянула мне руку для поцелуя, и ослепительная, счастливая улыбка озарила ее лицо.

– А rivederci! – попрощалась она.

Мы пошли домой, и хозяин протянул Маттео записку от Кеччо с просьбой покинуть гостиницу и вместе со мной переселиться во дворец д'Орси. По прибытии туда мы нашли Кеччо, который нервно прохаживался по длинному коридору, украшенному картинами и статуями.

– Я рад, что ты пришел. – Он пожал руку Маттео и кивнул. – Ты должен остаться здесь. Теперь нам лучше держаться вместе. Может случиться что угодно.

– Как тебя понимать? – спросил Маттео.

– Сегодня чуть не произошла катастрофа. – Мы изумленно переглянулись, все еще не предполагая ничего дурного. Кеччо продолжил: – Он попытался арестовать меня... Джироламо! – И затараторил, невероятно возбужденный: – Мне пришлось прийти во дворец по делам. Я нашел его в зале для аудиенций, мы начали обсуждать наши дела, и внезапно меня бросило в жар: я заметил, что в зале, кроме нас двоих, никого не осталось, замолчал на полуслове, посмотрел на Джироламо и понял, что ему не до меня: его глаза не отрывались от двери.

Кеччо замолчал. На лбу блестели капельки пота.

– И что? – в унисон спросили мы.

– Дверь открылась, и вошел командир дворцовой стражи. «Господи, – подумал я. – Я в ловушке!» «Я ждал тебя, Андреа, – сказал Джироламо. Потом повернулся ко мне и добавил: – Пойдем в кабинет нимф, Кеччо. Там лежат документы, которые я хочу тебе показать». И взял меня за руку. Я высвободился. «Прошу меня извинить, мессир. У меня очень важное и неотложное дело». Я направился к двери. Андреа смотрел на своего хозяина, и я подумал, что он преградит мне путь. Полагаю, он ждал какого-то знака, но, прежде чем успел его получить, я через открытую дверь увидел Паоло Бруни и крикнул ему: «Паоло, Паоло, подожди меня! Мне нужно срочно с тобой поговорить». После этого я знал, что мне уже ничего не грозит. Он не посмел бы тронуть меня. Поэтому повернулся к графу, чтобы сказать: «Еще раз прошу меня извинить. Дело с Паоло – вопрос жизни и смерти», – я протиснулся мимо Андреа и вышел за дверь. Клянусь небом! Как же глубоко я дышал, вновь оказавшись на площади!

– Но ты уверен, что он собирался тебя арестовать? – спросил Маттео.

– Безусловно. А что еще?

– Андреа мог зайти случайно. Возможно, ты раздул из мухи слона.

– Меня не проведешь, – с жаром возразил Кеччо. – Их выдали лица... и вопросительный взгляд Андреа. – Теперь я точно знаю – он хочет меня убить.

– Да как он мог решиться схватить тебя?

– Он ни перед чем не останавливается, если видит перед собой цель. А потом, окажись я в его власти, что бы кто мог сделать? Я слишком хорошо знаю Джироламо. Он бы устроил суд-посмешище и приговорил бы меня к смерти. Или просто задушил бы в камере. А без меня и ты ничего бы не смог поделывать. Мой отец слишком стар, и в нашей семье нет другого лидера, кроме тебя... но что бы ты сделал в одиночку?

Какое-то время мы молчали, а потом вновь заговорил Кеччо:

– Я знаю, он хочет избавиться от меня. Он угрожал мне и раньше, но никогда не заходил так далеко.

– Я с тобой согласен, – кивнул Маттео. – Ситуация ухудшается.

– Я прежде всего волнуюсь не о себе. Что станет с моими детьми? Мой отец в безопасности: он слишком стар и беспомощен, чтобы они подняли на него руку, но мои мальчики? Катерина бросит их в темницу не моргнув глазом.

– Так что ты собираешься делать? – спросил Маттео.

– А что я могу сделать? – ответил Кеччо. – Сколько ни думал, пути к спасению не нашел. Я могу носить кольчугу, чтобы не погибнуть от удара ножа наемного убийцы, но против отряда солдат она не защитит. Я могу уехать из Форли, но тогда придется бросить все.

– Нет, ты не должен уезжать из Форли. Что угодно – только не это!

– А что мне делать? Что мне делать? – Он топнул ногой словно в отчаянии.

– Во-первых, ты нигде не должен появляться один. Тебя всегда должны сопровождать как минимум двое друзей.

– Да, я думал об этом. Но чем это все обернется? Долго так продолжаться не может. Что мне делать?

Он повернулся ко мне.

– Что думаете вы? – спросил он. – Он собирается меня убить.

– Почему бы вам его не опередить? – спокойно ответил я. – Убейте его!

– Убийство?! Я не решусь, не решусь! – нервно воскликнул Кеччо. – Я готов использовать все разумные средства, но убийство...

Я пожал плечами:

– Похоже, это всего лишь вопрос выживания.

– Нет-нет, я не хочу говорить об этом! Не хочу думать об этом! – Он вновь закружил по коридору. – Говорю вам, не буду даже думать об этом. Я не могу.

Мы с Маттео предпочли промолчать.

– Почему ты ничего не говоришь? – нетерпеливо спросил он Маттео.

– Думаю, – ответил тот.

– Не об этом. Я запрещаю тебе об этом думать. Я на такое не пойду, – гневно произнес он, а потом после паузы бросил резко и коротко, словно злился на нас и себя: – Оставьте меня!

Глава 5

Несколько дней спустя Маттео пришел ко мне, когда я одевался. Мой друг уже вернул всю одежду, которую несколько дней назад унес из моего номера в гостинице.

– Слушай, а не будет тебе стыдно появляться на людях в этом наряде? – спросил он меня. – Люди подумают, что ты донашиваешь мои обноски.

Я пропустил оскорбление мимо ушей.

– И куда ты собрался? – спросил он.

– К мадонне Джулии.

– Но ты был у нее вчера!

– Это не причина, по которой я не могу пойти к ней сегодня. Она попросила меня заглянуть к ней.

– Я уверен, этим она делает тебе одолжение. – Он помолчал, наблюдая, как я прихорашиваюсь. – Я собирал новости Форли.

– И?

– Мадонна Джулия пользуется в Форли большим успехом...

– Ты говорил с дамой, которую называешь прекрасная Клодия, – догадался я.

– Между прочим, почему ты не нанес ей визит?

– Даже не знаю, – ответил я. – А следовало?

– Ты сам рассказал мне, как она прониклась к тебе за время вашей беседы. Так почему ты не развил наступление?

Я пожал плечами:

– Не думаю, что мне нравятся женщины, которые готовы уступить первому же штурму.

– Нет? – удивился Маттео. – А мне очень даже нравятся.

– Кроме того, она не в моем вкусе. Очень уж пышнотелая.

– Она крайне обижена твоим пренебрежением. Говорит, что ты влюбился в Джулию.

– Это абсурд, – ответил я. – Что же касается ее обиды, то я очень сожалею, но не чувствую себя обязанным бросаться в объятия каждой женщины, которая их мне раскроет.

– Я совершенно с тобой согласен. Что она, что Джулия, обе хороши. Мне сказали, что последний любовник Джулии – Эмтроджио делла Трекка. Однажды его чуть не застукал старик Бартоломео, так что ему пришлось вылезать через окно и демонстрировать трюки, достойные профессионального акробата, чтобы добраться до земли целым и невредимым.

– Едва ли я поверю сплетням, которые рассказывают об этой достойной женщине.

– Уж не влюбился ли ты в нее? – тут же спросил Маттео. Я рассмеялся:

– Разумеется, нет. Но все же...

– Это нормально, потому что она, о чем ты, конечно же, знаешь, известна в городе своей легкомысленностью. Среди ее любовников не только дворяне. Многие наслаждались ее благоклонностью.

– Не очень-то она похожа на Мессалину, – фыркнул я.

– Если честно, Филиппо, я думаю, что на самом деле она чуть лучше уличной шлюхи.

– Ты к ней крайне снисходителен, – ответил я. – Возможно, что ты относишься к ней предвзято, потому что тебе не удалось добиться взаимности? А кроме того, ее характер для меня значения не имеет. Мне безразлично, хорошая она или плохая. С ней приятно проводить время, и меня это более чем устраивает. Она же не собирается стать моей женой.

– Она может сделать тебя очень несчастным; и ты будешь не первым.

– Какой же ты дурак! – В моем голосе слышались нотки злости. – Из того, что я вижу с этой женщиной, ты, похоже, делаешь вывод, что я умираю от любви к ней. Это абсурд!

Я ушел и скоро добрался до дворца Эсти, где меня ждала донна Джулия. После приезда в Форли я виделся с ней чуть ли не каждый день, потому что она действительно мне нравилась. Естественно, я в нее не влюбился, как предположил Маттео, и не испытывал ни малейшего желания впасть в это жалкое состояние. Я находил Джулию очаровательно простодушной, разительно отличающейся от того монстра разврата, каким ее представляли в городе. Как я понимал, ей было года двадцать три или двадцать четыре, но вела она себя как девочка, веселая и беспечная, всегда готовая рассмеяться, но при этом в следующее мгновение уже могла оказаться на грани слез из-за сущего пустяка. Однако ласковое слово или комплимент заставляли ее тут же забыть об огорчении, и она уже вновь улыбалась. Она казалась такой изящной, такой хрупкой, такой легкой, что требовала самого деликатного обхождения. Я просто не мог представить себе, что кто-то решится сказать ей в лицо какую-нибудь грубость.

Ее глаза вспыхнули, когда она увидела меня.

– Как давно вас здесь не было. Я уже думала, что вы никогда не придете.

Она всегда так радовалась гостю, что создавалось впечатление, будто пришедший – единственный, кого она хотела бы видеть рядом с собой. Я знал, что это притворство, но как обаятельно умела она притворяться!

– Подойдите и присядьте рядом со мной. – Она подвинулась, освобождая место, а когда я сел, прильнула ко мне, как ребенок, словно ища защиты. – А теперь расскажите мне, чем вы занимались.

– Разговаривал с Маттео, – ответил я.

– О чем?

– О вас.

– Расскажите мне, что он сказал.

– Ни одного доброго слова, дорогая моя, – рассмеялся я.

– Бедный Маттео! – воскликнула она. – Он такой неуклюжий и неотесанный, сразу видно, что половину жизни он провел в армейских лагерях.

– А я? Я вел такую же жизнь, что и Маттео? Я неуклюжий и неотесанный?

– Ох нет, вы совсем другой. – В ее взгляде читалось восхищение.

– Маттео рассказал мне множество сплетен о вас.

Она чуть покраснела:

– Вы поверили?

– Я ответил, что меня не волнует, правда это или нет.

– Но вы поверили? – настаивала Джулия.

– Если вы скажете, что это ложь, я вам поверю.

Озабоченность на ее лице сменилась ослепительной улыбкой.

– Разумеется, это ложь.

– Как вы прекрасны, когда улыбаетесь, – вдруг вырвалось у меня. – Вам всегда надо улыбаться.

– Я и улыбаюсь... вам. – Она замолчала, обдумывая, стоит ли продолжать этот разговор, но потом все-таки решилась: – Маттео говорил вам, что однажды ухаживал за мной, и очень рассердился, когда я не подобрала носовой платок, который он соблаговолил уронить?

– Он упоминал об этом.

– Боюсь, с тех пор он не сказал обо мне ни одного доброго слова.

Мне в голову уже приходила мысль о том, что Маттео затаил зло на донну Джулию, поэтому ее версия представлялась мне более убедительной.

– Он умолял меня не влюбляться в вас, – признался я.

Она рассмеялась:

– Клаудия Пьячентини рассказывает всем, что это уже случилось, и она ужасно ревнует.

– Правда? И Маттео убежден, что я влюблен в вас.

- А вы? – внезапно спросила она.
- Нет! – с нарочитой напыщенностью ответил я.
- *Brutta bestia!* – воскликнула она, тут же отодвинулась от меня и надула губки.
- Я очень сожалею, – со смехом продолжил я, – но ничего не могу с этим поделать.
- Я думаю, с вашей стороны это ужасно.
- У вас так много воздыхателей, – попытался урезонить ее я.
- Да, но я хочу, чтобы их было еще больше. – Она улыбнулась.
- Но какой вам прок от того, что все эти мужчины влюблены в вас?
- Не знаю, но приятно это осознавать.
- Какое же вы еще дитя! – со смехом воскликнул я.
- Она наклонилась ко мне, лицо стало серьезным.
- Но вы совершенно меня не любите?

Я покачал головой. Она вновь под села ко мне, вплотную, так, что ее волосы касались моей щеки, и я почувствовал дрожь по всему телу. Я посмотрел на ее ушко идеальной формы, полупрозрачное, как розовая раковина. Подсознательно, не отдавая себе отчет в том, что делаю, я его поцеловал. Она притворилась, будто и не заметила, я же пришел в полнейшее замешательство, почувствовав, как густо краснею.

- Вы совершенно уверены? – спросила она по-прежнему серьезно.

Я вскочил (глупо, конечно), злясь на себя.

- Когда я снова увижу вас?

– Завтра я собираюсь на исповедь. Будьте в Сан-Стефано в десять утра, и мы сможем поговорить в церкви после того, как я закончу.

Глава 6

В последние два дня Форли бурлил: в городе стало известно, что крестьяне из владений графа отправили ему петицию с требованием отменить некоторые налоги, которые легли таким тяжелым бременем, что земля приходила в запустение. Хозяева распускали наемных работников, дома разваливались, в некоторых районах не хватало зерна для весеннего сева, и поля зарастали сорняками. Результатом стал голод, и если в прошлом году сельские жители с трудом, но смогли уплатить налоги, то в этом поняли, что такой возможности у них нет. Джироламо прислушался к их аргументам, понимая, что они правы. После совещания со своими советниками он решил отменить самые разорительные налоги, но при этом столкнулся с тем, что казна практически пуста и покрыть расходы грядущего года нечем.

Сельские жители заплатить не могли, но деньги все равно были нужны. Граф обратил свой взор на город и нашел его богатым и процветающим, но не решился по собственной инициативе увеличить налоговое бремя горожан. Он созвал совет, обрисовал текущее положение дел и спросил у старейшин, что они думают по этому поводу. Никто не шевельнулся и не заговорил. Наконец Антонио Ласси, ставленник графа, который попал в совет его стараниями, ранее занимая куда более скромную должность, поднялся и огласил план, который ранее изложил ему Джироламо. Идея состояла в том, чтобы компенсировать налоги, собираемые с селян, налогом на некоторые продукты, прежде от него освобожденные. Джироламо ответил заготовленной речью, выражая нежелание поднимать стоимость продуктов первой необходимости, и попросил нескольких наиболее влиятельных членов совета высказать свое мнение. Совет отреагировал на выступление Антонио Ласси молчанием, зато на ответ Джироламо – аплодисментами. Все соглашались с ним, что таких налогов быть не должно. Затем граф изменил тон. Сказал, что это единственный способ добыть деньги и, распаяясь все больше от вида их угрюмых лиц и молчания, сообщил им, что подпишет этот указ и без их санкции. Потом после короткой паузы пожелал узнать их ответ. Члены совета переглянулись. Побледневшие, но настроенные решительно, ответили ему один за другим:

– Нет... нет... нет... нет!..

Антонио Ласси перетрусил и вообще не решился открыть рот. Граф, выругавшись, стукнул кулаком по столу и прорычал:

– Я намерен показать, что правитель здесь я, и вам придется смириться, что моя воля – закон.

На этом он распустил совет.

Когда горожане узнали новости, они пришли в необычайное волнение. Все претензии к графу, которые раньше выражались крайне осторожно и шепотом, теперь выкрикивались на ярмарочной площади, там же звучали жалобы на расточительность графини. Горожане собирались кучками, жарко обсуждали предполагаемое увеличение налогов, время от времени раздавались угрозы. Все это напоминало бунт.

На следующий день главного сборщика налогов едва не разорвали на куски, когда он шел во дворец графа, так что из дворца он вышел уже в сопровождении отряда солдат. Антонио Ласси везде встречали проклятиями и улюлюканьем, а когда он попался на глаза Кеччо д'Орси в крытой галерее на площади, тот прилюдно отчитал его, как мальчишку. Эрколе Пьячентини вмешался, и ссора чуть не переросла в драку, но Кеччо, с трудом сдержавшись, удалился, прежде чем в ход пошли кулаки или мечи.

Покинув донну Джулию, я неспешно направился к центральной площади и обнаружил, что страсти кипят, как и в предыдущие дни. Тут и там горожане собирались группами, жадно слушая очередного возбужденного оратора. Никто, похоже, не работал. Лавочники стояли у

дверей и переговаривались друг с другом. Люди бродили по площади, присоединяясь то к одной, то к другой группе.

Внезапно наступила тишина. На площади появилась Катерина. Все взгляды обратились к ней. Как и всегда, она была в роскошном наряде. Драгоценные камни сверкали на ее пальцах, запястьях, шее, поясе, головном уборе. Графиню сопровождали несколько придворных дам и трое солдат. Толпа расступилась, освобождая Катерине проход, и она гордо вышагивала между двумя рядами людей, вскинув голову, словно не замечала прикованных к ней взглядов. Несколько мужчин угодливо сняли шляпы, но остальные и не думали проявлять учтивость. Воцарилось молчание, если кто и ругался, то шепотом, себе под нос. Катерина пересекла площадь и вошла в ворота дворца. Тут же раздался рев толпы и, казалось, застывший воздух взорвался громом проклятий. Как только не честили графиню, какими грязными словами не обзывали. А ведь шестью годами раньше, когда она проходила по улице, люди бросали все дела, чтобы посмотреть на нее с радостью в сердце и благословением на устах. Они клялись, что готовы за нее умереть. Впадали в экстаз от ее красоты.

Я пошел домой, думая обо всем этом и о донне Джулии, вспоминая случайный поцелуй. Я задавался во просом, а что она обо мне подумала... это очаровательное существо, и радовался, что завтра увижу ее вновь. Мне нравилась ее искренняя набожность. Она постоянно ходила к мессе, и однажды, когда я увидел Джулию в церкви, меня потрясли ее благочестие и преданность вере. Она часто исповедовалась. Оставалось только удивляться людям, которые могли поверить, что она...

Добравшись до дворца д'Орси, я обнаружил, что там царит то же возбуждение, что и на площади. Джироламо узнал о ссоре в галерее и послал за Кеччо, чтобы узнать его мнение о новом налоге. Аудиенцию назначили на одиннадцать утра следующего дня, а поскольку Кеччо больше никуда не ходил в одиночку, Шипионе Моратини, второго брата Джулии, и меня определили ему в сопровождающие. Маттео пойти не мог из опасения, что присутствие двух наиболее значимых членов семьи вызовет у графа искушение решить вопрос радикальными средствами.

На следующее утро я пришел в церковь Сан-Стефано в половине десятого, и, к моему удивлению, Джулия уже ждала меня.

– Я не думал, что вы так быстро покинете исповедальную. – Я поклонился. – Или на этой неделе вы практически не грешили?

– Я не пошла на исповедь, – ответила она. – Шипионе сказал мне, что он с вами должен сопровождать Кеччо во дворец, и я подумала, что вам придется рано уйти, вот и отложила исповедь.

– Вы предпочли землю и меня небесам и достопочтенному отцу?

– Вы знаете, что ради вас я готова и на большее.

– Колдунья!

Она взяла меня за руку:

– Пойдемте, пойдемте и посидим в одной из часовен трансепта¹⁴. Там спокойно и темно.

В часовне царила восхитительная прохлада. Свет проникал сквозь цветное стекло, окрашивая мрамор оттенками красного и пурпурного, в воздухе стоял легкий аромат благовоний. И в этой обстановке Джулия показалась мне еще прекрасней. Ее каштановые волосы, подсвеченные красным, стали еще роскошнее. Я попытался хоть что-то сказать и не смог: от восторга перехватило дыхание. Просто сидел и смотрел на нее, а аромат ее тела смешивался с благовониями.

– Почему вы молчите? – спросила она.

¹⁴ Поперечный неф в базиликальных и крестообразных в плане храмах, пересекающий под прямым углом основной (продольный) неф и выступающий концами из общей массы сооружения.

– Извините. Мне нечего сказать.

Она рассмеялась:

– Расскажите мне, о чем вы думаете.

– Я не решусь, – ответил я.

Она смотрела на меня, ожидая продолжения.

– Я думаю, что вы ослепительно красивы.

Она повернулась ко мне, наклонилась вперед, и ее лицо оказалось рядом с моим, взгляд был томным и сладостным. Мы сидели не разговаривая, и голова у меня пошла кругом.

– Я должен идти, – нарушил я молчание.

– Да, – ответила она, – но приходите вечером и расскажите, что произошло.

Я пообещал и поинтересовался, не проводить ли мне ее в другую часть церкви.

– Нет, оставьте меня здесь, – ответила Джулия, – тут так хорошо и тихо. Я посижу и подумаю.

– О чем? – спросил я.

Она не ответила, но так улыбнулась, что я понял ее ответ.

Глава 7

Я поспешил к дворцу д'Орси и обнаружил, что Шипионе Моратини прибыл первым. Мне он нравился уже потому, что являлся родным братом Джулии, но и сам был очень приятным в общении человеком.

Оба брата походили на Джулию тонкими чертами лица, привлекательностью, умением очаровывать, в чем могли соперничать с женщинами. От красавицы матери – по слухам, достаточно легкомысленной – братьям досталась галантность, благодаря которой они наводили ужас на всех мужей Форли, а Джулии – кокетство, служившее источником стольких сплетен. Их отец, Бартоломео, разительно отличался от своих детей. Сдержанный и суховатый, лет шестидесяти, строгий и гордый, он передал и братьям, и Джулии только обаятельную улыбку, но сам улыбался крайне редко. Мне больше всего нравилась в нем слепая любовь к дочери. Он с радостью выполнял ее капризы и, если они оказывались рядом, так трогательно, с такой нежностью во взгляде следил за каждым ее движением. Он, разумеется, не слышал ни слова из тех сплетен, что рассказывали о дочери, и я, как мне представлялось, черпал веру в Джулию от него.

Мы с Шипионе успели немного поболтать, прежде чем появился Кеччо, и уже втроем направились к дворцу графа. Жители Форли знали все, так что миссия Кеччо не была для них тайной. По пути они тепло приветствовали нас, желая удачи, и Кеччо, сияя от радости, благодарил их за теплые слова.

Нас проводили в зал заседаний, где присутствовали члены совета, многие известные горожане, и несколько придворных. Вскоре запахнулась золоченая двустворчатая дверь и в зал вошел Джироламо, как всегда, роскошно одетый, сопровождаемый свитой и солдатами. Охранники остались и в коридоре. Граф грациозно раскланялся, направился к трону и величественно сел. Придворные ответили на приветствие, но горожане держались сурово, несколько не растроганные галантностью Джироламо.

После короткой паузы граф поднялся и произнес короткую речь, в которой расхваливал мудрость, знания и патриотизм Кеччо, сказал, что слышал о его споре с Антонио Лисси о восстановлении прежних налогов, и пригласил Кеччо сюда, чтобы выслушать его мнение на сей предмет. В ответ придворные дружно захлопали. И тут же в боковых стенах открылись двери, через которые в зал вошли новые солдаты. Горожане встревоженно переглянулись. С площади донесся звук трубы и топот солдатских сапог. Джироламо выдержал театральную паузу, а затем продолжил:

– Хороший правитель не должен идти против свободно выраженной воли своих подданных. И хотя я могу отдать приказ, ибо поставлен здесь на правление наместником Христа и обладаю абсолютной властью над вашей жизнью и состоянием, моя любовь и привязанность к вам столь велика, что я не считаю зазорным спрашивать у вас совета.

Придворные шепотом принялись восторгаться столь безграничным великодушием, вновь заиграли трубы, и в воцарившейся тишине все услышали долетающие с площади команды офицеров, тогда как солдаты, стоявшие у стен и в проходах, клацали мечами и шпорами.

Кеччо, бледный, поднялся со своего места. Казалось, он взвешивает все за и против. Я задался вопросом, а не произвели ли солдаты тот самый эффект, которого и добивался Джироламо. Потом Кеччо заговорил, спокойно, выверенными предложениями, не оставляя сомнений в том, что речь тщательно подготовлена.

Он упомянул о теплых чувствах, которые питал к Джироламо, о взаимной дружбе, помогавшей преодолевать преграды, заверил графа в безусловной верности, напомнил о любви народа к своему правителю, о том, что и люди чувствовали любовь графа. Нарисовал картину

всеобщего ликования в Форли, когда граф впервые приехал сюда и горожане с энтузиазмом приветствовали его и Катерину.

Послышались аплодисменты, главным образом со стороны придворных. Кеччо помолчал, показывая, что преамбула закончилась, и он готовится перейти к основной части своей речи. И в зале повисла тишина, все смотрели на Кеччо, каждый мысленно спрашивал себя: «А что он скажет?» Джироламо наклонился вперед, опираясь подбородком на руку, на лице читалась озабоченность. Я даже подумал, а не сожалеет ли он о том, что организовал это собрание.

Наконец Кеччо заговорил:

– Джироламо, селяне недавно прислали вам петицию, в которой описали понесенные убытки от дождей, ураганов и голода, пожаловались на бедность, тяжелую жизнь, непосильные налоги. Они молили вас приехать и посмотреть на незасеянные поля и разваливающиеся дома, на них самих, погибающих на обочине дорог, голых, босых и голодных, на младенцев, которых матери не могут напоить своим молоком, на умерших, лежащих непогребенными под развалинами их домов. Они просили вас приехать и посмотреть на пришедшую в запустение землю, они умоляли вас помочь, пока еще есть время, и снять с их плеч непосильную ношу, которую вы на них возложили.

Вы проявили жалость, и теперь земля улыбается, люди очнулись от смертельной спячки, пробудились к новой жизни, и все молятся и прославляют своего великолепного правителя, Джироламо Риарио.

И мы, мой господин, присоединяемся к этим благодарностям и хвале, ибо те, кому вы дали новую жизнь, наши кузены и братья, наши соотечественники.

И что за этим могло последовать? Члены совета вопросительно переглядывались. Мог ли Кеччо прийти к соглашению с графом и что за комедию они ломали? Джироламо тоже ничего не мог понять: уже долгое время похвалы он слышал только от придворных.

– Восемь лет назад, став правителем Форли, вы сразу увидели, что город задыхается под тяжестью налогов, введенных Орделаффи. В упадок пришли и ремесла, и торговля. Никто не мог ни купить, ни продать. Все перестали и пытаться. Город словно умирал от чумы. Улицы пустовали. Редкие пешеходы брели, опустив голову. Да и жителей становилось все меньше. Не чувствовалось ни движения, ни жизни. Еще несколько лет, и Форли превратился бы в город мертвых. Но пришли вы, а с вами и жизнь, потому что первым делом вы отменили самые тяжелые налоги. Как лук, разгибаясь, придает огромную скорость стреле, если отпустить тетиву, так и Форли разогнулся, освобожденный от тяжелой ноши. Богиня достатка поселилась в нашем краю, солнечный свет сменил бушующую грозу, везде забурилась жизнь. Купцы привозили товары, лавочники их продавали, смеясь и с радостью в сердце. Каменщик, плотник, кузнец вернулись к работе, и по городу разносились удары молотков и стук топоров. Новости о добром правителе распространялись быстро, и в город потянулись мастера золотых и серебряных дел, художники, скульпторы. Деньги переходили из рук в руки, и при этом количество их магическим образом возрастало. Все лица сияли счастьем. Подмастерье пел, когда работал, везде царили веселье и радость. Форли получил известность как дом света. По всей Италии говорили о здешних пирах и празднествах, и каждый горожанин гордился тем, что он из Форли. И везде молились и благословляли самого лучшего и великолепного правителя, Джироламо Риарио.

Кеччо вновь замолчал. Слушатели уже начали понимать, к чему он клонит, но не решались даже подумать о том, что он озвучит их мысли.

– А потом вы вернули часть налогов, которые ранее сняли, – продолжил Кеччо.

– Это ложь! – прервал его Джироламо. – Налоги вернул совет!

Кеччо пожал плечами, иронично улыбнулся:

– Я хорошо помню, как все происходило. Вы созвали старейшин, объяснили ваши трудности и предложили вернуть налоги. Я только забыл, напомнили ли вы, что можете просто отдать приказ, раз уж править городом вас назначил наместник Христа на земле. А теперь вы

предлагаете нам слушать звуки труб и топот солдат на площади? Не думал, что такое количество охранников в зале заседаний унижает ваше достоинство.

Он оглядел солдат, задумчиво поглаживая бороду.

– Продолжай! – нетерпеливо воскликнул Джироламо, начавший злиться.

Кеччо, пока говорил, обрел уверенность, которая поначалу вроде бы покинула его. Он вежливо улыбнулся на возглас графа.

– Я сразу же перехожу к главному. Вы вновь ввели налоги, которые сами же и отменили, то есть отняли дарованные вами же блага. Город скоро почувствует эффект этих изменений. Его процветание уже подорвано, и не вызывает сомнений, что через несколько лет город придет в то самое состояние, в котором вы его и нашли. И кто знает, возможно, все будет даже хуже, чем в прошлый раз.

А теперь вы предлагаете горожанам оплачивать те налоги, которые вы сняли с крестьян. Вы послали за мной, чтобы узнать мое мнение на этот счет, и сейчас вы его узнаете.

Откажитесь от увеличения налоговых сборов. Во имя народа я умоляю вас отменить налоги, которые вы ввели вновь четырем годами раньше, и вернуться к тому счастливому состоянию, в котором пребывал город в первые годы вашего правления. – На мгновение он замолчал, протянув руку к графу, потом торжественно добавил: – Или Джироламо Риарио, великолепный правитель Форли, может разделить судьбу семьи Орделаффи, которые правили городом два столетия, а теперь в поисках пристанища.

Присутствующие ахнули. Всех потрясла отвага Кеччо. Джироламо застыл на троне. Его глаза расширились, лицо стало пунцовым. От ярости он, похоже, потерял дар речи. Пытался заговорить, но слова застревали в горле, и с губ срывались только нечленораздельные звуки. Солдаты и придворные удивленно переглядывались. Они не знали, что делать или думать. Смотрели на своего господина, но он ничем не мог им помочь. И горожане пребывали в недоумении, попеременно испытывая удивление, ужас, страх, удовольствие. Они не могли понять...

– О, Джироламо! – продолжил Кеччо, не обращая внимания на поднявшийся в зале шум. – Я говорю все это не из неприязни к вам. Выйдите к своим подданным и взгляните на их беды собственными глазами. Не верьте тому, что говорят вам придворные, не ведите себя так, будто город, которым вы управляете, захвачен у врага и его можно грабить в свое удовольствие. Вы поставлены над нами, чтобы оберегать нас от опасностей и помогать в наших нуждах.

Вы здесь чужак и не знаете этих людей, как знаю их я. Они могут быть верными, мирными, покорными, но не отнимайте у них денег, заработанных тяжелым трудом, или они поднимутся против вас. Форли никогда не поддерживал угнетателей, и если вы попытаетесь поработить граждан, берегитесь их гнева. Неужели вы думаете, что эти солдаты пойдут против народа? Вы так уверены в своих солдатах? Они выступят на вашей стороне против своих отцов и братьев, против своих детей?

– Замолчи! – Джироламо вскочил с трона, угрожающе вскинув руку. Он кричал, чтобы заглушить голос Кеччо. – Замолчи! Ты всегда был настроен против меня, Кеччо. Ты ненавидел меня, потому что я превзошел тебя в щедрости. Между мной и моими подданными никогда не возникало трений, но ты начал настраивать их против меня!

– Вы лжете! – воскликнул Кеччо.

– Я знаю тебя, Кеччо, и твою гордыню! Как Сатана пал из-за гордыни, так, возможно, падешь и ты, несмотря на свои богатства и власть. Ты думал, что ты ровня, а теперь, осознав, что я твой правитель, оскаливаешь зубы и проклинаешь меня. И, клянусь Богом, убьешь меня, если сможешь!

Хладнокровие оставило Кеччо, он замахал руками, закричал на Джироламо:

– Я возненавидел тебя, потому что ты стал тираном города. Разве все эти люди не мои братья, не мои друзья? Разве мы с детства не жили вместе, как раньше жили наши отцы и деды? И ты думаешь, я отношусь к ним так же, как и к тебе – чужаку? Нет и нет. Я ничего не говорил,

пока ты брал деньги у богатых. Ты знаешь, какие суммы я одалживал тебе, и все по доброй воле. Мне не нужно от тебя и ломаного гроша – можешь оставить все. Но раз уж ты начал отбирать у нас последнее, раз взялся за бедняков и нуждающихся, чтобы отбирать то малое, что у них есть, я уже не могу молчать. Ты не должен облагать сборами этих людей! А для чего тебе понадобились их деньги? Для твоей безмерной, просто безумной расточительности, чтобы строить новые дворцы, чтобы облачаться в роскошные наряды, чтобы скупать бриллианты и драгоценные камни для своей жены.

– Не трогай мою жену, – прервал его граф.

– Чтобы ты мог сыпать золото в руки паразита, который сочиняет тебе хвалебный сонет. Ты приходил к нам и просил денег. Мы давали их тебе, а ты транжирил их на балы и гулянки. Этот наряд, который сейчас на тебе, сшит из наших богатств. Но ты не имеешь права брать у людей деньги для таких низменных целей. Ты не их господин, ты их слуга, их деньги – не твои, а вот твои – их. Твой долг перед Богом – защищать их, а вместо этого ты их грабишь.

– Замолчи! – взорвался Джироламо. – Не желаю больше тебя слушать. Ты оскорбил меня, как не оскорблял никто, и этот поступок не останется безнаказанным. Ты считаешь себя всемогущим, Кеччо, но, клянусь Богом, ты узнаешь, у меня могущества побольше твоего! А теперь уходите вы все! С меня хватит. Уходите! – Он нетерпеливо махнул рукой, а потом, с перекошенным от ярости лицом, вскочил с трона и выбежал из зала.

Глава 8

Придворные последовали за своим господином, но солдаты остались, застыв в нерешительности. Эрколе Пьячентини посмотрел на нас, потом что-то вполголоса сказал капитану стражи. Я подумал, что они обсуждали незамедлительный арест Кеччо, и Джироламо такая их решительность, несомненно, понравилась бы, но Кеччо окружали друзья и, чего бы ни хотелось Эрколе и капитану стражи, они не посмели реализовать свои желания, потому что Эрколе первым покинул зал заседаний, а за ним, подчиняясь приказу, последовали и солдаты, похожие на свору побитых собак.

Тут уж радость друзей Кеччо выплеснулась из берегов. Я и сам, едва он закончил говорить, пожал ему руку со словами «Отличная работа».

Теперь он стоял среди горожан, счастливый, гордясь впечатлением, которое произвела его речь, и тяжело дышал. Успех опьянил его.

– Друзья мои, – ответил он на звучащие со всех сторон похвалы, и голос его чуть дрожал, чувствовалось, что говорит от чистого сердца, – что бы ни случилось, я буду продолжать отстаивать ваши права, и я готов отдать жизнь за справедливость и свободу.

Тут у него перехватило дыхание от нахлынувших эмоций, и продолжить он не смог.

Одобрительные крики зазвучали с новой силой, а потом людям, похоже, стало тесно в стенах зала заседаний, и они выплеснулись на площадь. Там еще точно не знали, что произошло во дворце, но им уже стало известно, что Кеччо выступил против графа, и тот, разозлившись, покинул совещание. Удивительные слухи распространялись в толпе. Одни говорили, что уже засверкали мечи и чуть не началась битва. Другие – что граф попытался арестовать Кеччо. Третьи – что арестовал и бросил в подземную темницу. Все это только будоражило толпу.

Когда появился Кеччо, толпа взорвалась громкими криками «Браво!», «Отличная работа!» – слышалось со всех сторон. Охватившее толпу возбуждение нарастало с каждой минутой. Люди обезумели. Распирившая их энергия требовала выхода. Одно слово, и они штурмом взяли бы дворец графа или разнесли бы здание, которое занимали сборщики налогов. Разгоряченная толпа окружила нас, не давая пройти. Бартоломео Моратини протолкался к Кеччо.

– Быстро успокой их, а не то будет поздно.

Кеччо сразу все понял.

– Друзья, – обратился он к окружавшим его горожанам, – позвольте мне пройти и, ради Бога, возвращайтесь к прерванной работе. Позвольте мне пройти!

Толпа расступилась перед ним, освобождая проход, люди по-прежнему кричали, вопили, жестикулировали. Когда мы подошли к воротам дворца д'Орси, Кеччо повернулся ко мне.

– Клянусь Богом, Филиппо, вот она, настоящая жизнь! Эти дни я никогда не забуду!

Толпа довела его до самых дверей и не желала расходиться. Кеччо пришлось появиться на балконе и по клониться, выражая свою признательность. Я видел, что голова у него шла кругом. Он побледнел и ничего не соображал от счастья.

Наконец люди разошлись и мы вернулись в дом. В гостиной Кеччо помимо Маттео и меня присутствовали Бартоломео Моратини с двумя сыновьями, Фабио Олива и Чезаре Нокки, оба родственники Кеччо по материнской линии. Мы не находили себе места и, переполненные волнением, обсуждали только что произошедшие события. Один Бартоломео сохранял сдержанность и спокойствие. Маттео, пребывавший в превосходном настроении, повернулся к нему.

– Почему вы такой молчаливый, мессир Бартоломео? – спросил он. – Вы похожи на скелет на банкете.

– Вопрос очень серьезный, – ответил тот.

– Почему?

- Почему? Святой Боже, ты считаешь, что ничего не произошло?
Мы оборвали разговор и окружили его, словно внезапно прозрели.
- Мы сожгли корабли, – продолжил он, – и должны атаковать... должны!
- О чем ты? – спросил Кеччо.
- Ты думаешь, Джироламо сделает вид, будто ничего не произошло? Ты, должно быть, сошел с ума, Кеччо!
- Скорее да, чем нет, – последовал ответ. – Успех ударил мне в голову. Продолжай.
- Джироламо осталось только одно. Ты публично выступил против него и шел по улицам, как триумфатор, под приветственные крики людей. Они восторженно встретили твое появление на балконе. Джироламо видит в тебе врага, и тебе известно, обезопасить себя от врага можно лишь единственным способом.
- И это?.. – начал Кеччо.
- Смерть! – закончил за него Бартоломео. Мы на мгновение онемели, так что Бартоломео продолжил: – Он не может позволить тебе остаться в живых. Он угрожал тебе раньше, а теперь должен реализовать свои угрозы. Берегись!
- Я знаю, – кивнул Кеччо. – Меч занесен над моей головой. Но он не решится арестовать меня.
- Может, подошлет наемного убийцу. Ты должен выходить из дома только с охраной.
- Я так и делаю и еще ношу кольчугу. Страх перед наемным убийцей преследует меня уже несколько недель. Господи, это ужасно! Я готов встретиться в открытом поединке с любым противником. Храбрости у меня ничуть не меньше, чем у любого другого. Но жить в ожидании удара из-за угла! Клянусь, от этого ожидания нетрудно превратиться в труса! Я не могу обогнуть угол, не подумав, что за ним меня поджидает смерть. Ночью я не могу пройти темным коридором, не опасаясь, что впереди затаился убийца. Я вздрагиваю при каждом звуке, будь то захлопнувшаяся дверь или скрип половицы. По ночам я просыпаюсь с криком, весь в поту. Я этого не вынесу. Что мне делать? Маттео и я переглянулись: нам в голову пришел один и тот же ответ. Заговорил Бартоломео:
- Опередить его!
- Мы оба вздрогнули, потому что подумали о том же.
- И ты туда же! – вскричал Кеччо. – Эта мысль преследует меня ночью и днем! Опередить его! Убить его! Я не решаюсь даже подумать об этом. Я не могу его убить.
- Ты должен, – гнул свое Бартоломео.
- Надеюсь, нас никто не слышит, – вставил Олива.
- Дверь плотно закрыта.
- Ты должен, – повторил Бартоломео. – Другого пути у тебя не осталось. Более того, ты должен поторопиться – тянуть с этим нельзя. На кон поставлена жизнь всей семьи. Его не устроит только твоя смерть. После тебя он достаточно легко найдет повод избавиться от нас.
- Ради Бога, что ты такое говоришь, Бартоломео! Это предательство.
- А чего ты боишься?
- Нет, мы не должны идти на убийство. Это всегда плохо заканчивается. Во Флоренции перебили всех Падзи, Сальвиати повесили, а Лоренцо по-прежнему на коне, тогда как кости заговорщиков гниют в неосвященной земле. И в Милане после убийства герцога не спасся ни один из убийц.
- Они повели себя как глупцы. Мы не допустим ошибок, как во Флоренции. Народ с нами, и мы не ударим в грязь лицом.
- Нет-нет, этому не бывать.
- Говорю тебе, ты должен. Только так мы обезопасим себя. Кеччо в тревоге оглядел нас.
- Нам можно полностью доверять, – заверил его Олива. – Не бойся.

– И что вы об этом думаете? – спросил Кеччо. – Я знаю, что думаете вы, Филиппо, и ты, Маттео.

– Я согласен с отцом! – воскликнул Шипионе.

– И я! – откликнулся его брат.

– И я!

– И я!

– Вы все заодно, – кивнул Кеччо. – Вы все хотите, чтобы я его убил.

– Это справедливо и законно.

– Помните, он был моим другом. Я помогал ему прийти к власти. Когда-то мы были близки как братья.

– Но теперь он твой смертельный враг. Он точит секиру для твоей головы и убьет тебя, если ты не опередишь его.

– Это предательство. Я не могу!

– Если человек кого-то убивает, его убивает закон. Это всего лишь возмездие. Когда человек пытается отнять чью-то жизнь, закон разрешает тому, на кого покушались, убить нападающего, и это самозащита. В мыслях Джироламо уже убил тебя – и в этот самый момент он, возможно, уточняет детали твоего реального убийства. Тебе нужно забрать его жизнь, чтобы защитить свою и наши.

– Бартоломео прав, – кивнул Маттео.

Одобрительный гул показал, что и остальные того же мнения.

– Но подумай, Бартоломео, – Кеччо по-прежнему не хотел допускать убийства, – у тебя седина на волосах, тебе осталось не так уж много времени до смерти; если ты убьешь этого человека, что будет потом?

– Клянусь тебе, Кеччо, ты станешь исполнителем воли Божьей. Разве граф не угнетал народ? Почему он уверен, что имеет на это право? Из-за него мужчины, женщины, дети умирали от голода, безысходности, страданий, тогда как он ел, пил и веселился.

– Решай, Кеччо. Ты должен дать нам приказ, – вновь поддержал Бартоломео Маттео. – Джироламо принес много бед. По законам чести и справедливости он должен умереть. И он должен умереть ради нашего спасения.

– Вы сводите меня с ума, – простонал Кеччо. – Вы все против меня. Вы правы в том, что говорите, но я не могу... Господи, я не могу! – Бартоломео хотел заговорить вновь, но Кеччо его остановил: – Нет-нет, ради Бога, больше ничего не говори. Оставьте меня одного. Я хочу посидеть в тишине и подумать.

Глава 9

В десять вечера я пришел во дворец Эсти. Слуга, который позволил мне войти, сообщил, что донна Джулия у отца и он не знает, когда она вернется. Я ощутил горькое разочарование. Весь день мечтал о том, что увижу ее вновь: наша встреча в церкви была такой короткой. Слуга смотрел на меня, ожидая, что я уйду, но желание увидеться с ней пересилило, и я сказал, что подожду.

Меня провели в комнату, которую я уже так хорошо знал, и я сел в кресло Джулии. Положил голову на то место, где к спинке прижимались ее прекрасные волосы, вдохнул едва уловимый аромат.

Ожидание было томительным.

Мое воображение рисовало Джулию, сидящую в этом самом кресле. Я видел прекрасные, нежные карие глаза, алые губы, их изящный изгиб. Лук Купидона срисовали с таких же губ.

Снизу донесся какой-то шум. Я подошел к двери, прислушался. Сердце гулко билось. Пришел кто-то другой, и я, расстроенный, вернулся к креслу. Мне казалось, что я прождал несколько часов, и каждый длиной в день. Неужто она никогда не придет?

Наконец-то! Дверь открылась, и она вошла – такая прекрасная. Протянула мне обе руки для поцелуя.

– Извините, что вам пришлось ждать, но я ничего не могла поделать.

– Я бы прождал сто лет, чтобы увидеть вас на час.

Она села, а я устроился у ее ног.

– Расскажите мне обо всем, что сегодня произошло.

Я выполнил ее просьбу. Во время моего рассказа глаза Джулии засверкали, щеки покраснелись. Я не знаю, что на меня нашло. Я словно впадал в экстаз и при этом не мог вдохнуть. Неожиданно мною овладело желание заключить Джулию в объятия и целовать снова и снова.

– Как вы прекрасны. – Я встал.

Она не ответила, но смотрела на меня улыбаясь. Ее глаза влажно блестели, грудь вздымалась.

– Джулия! – Я обнял ее одной рукой, второй обхватил ее ладони. – Джулия, я тебя люблю.

Она наклонилась ко мне, вскинула голову, а потом... потом я сжал ее в объятиях, покрывая губы поцелуями. Господи! Я обезумел, никогда раньше не испытывал такого счастья. Ее прекрасный рот, такой мягкий, такой маленький, я едва мог дышать, переполненный счастьем. Как же мне хотелось умереть в тот миг! Джулия! Джулия!

Пропел петух, ночная тьма начала рассеиваться. Первый свет зари заглянул в окно, и я прижал свою любовь к сердцу в последнем поцелуе.

– Не уходи, – выдохнула она. – Я люблю тебя.

Я не мог говорить. Целовал ее глаза, щеки, грудь.

– Не уходи.

– Любовь моя!

Наконец я оторвался от нее, поцеловал в последний раз, и она прошептала:

– Возвращайся скорее.

– Этим вечером! – ответил я.

Я шел по еще темным улицам Форли и размышлял о своем счастье, слишком огромном, чтобы осознать его в полной мере. Казалось абсурдным, что мне даровали такое блаженство. Меня носило по свету, как изгнанника, ищущего командира, под началом которого я мог бы служить. Мне и раньше встречались женщины, но влечение, которое я к ним испытывал, не шло ни в какое сравнение с нынешним чистым и божественным чувством. В других женщинах

я часто отмечал какие-то недостатки, иной раз находил их грубыми и вульгарными, но тут столкнулся с такой непорочностью, с такой чистотой! Для меня она была святой и невинной. Ох, как же мне было с ней хорошо! Я посмеялся над собой: еще бы, я же думал, что не влюблен в нее. На самом деле я любил ее всегда... не заметил, когда это почувствовал, да меня это и не волновало, потому что теперь я любил и меня любили. Я не считал себя достойным ее: она такая хорошая, такая добрая, а я бедняк, никчемность. Она казалась мне богиней, и мне оставалось только опуститься на колени перед ней и молиться.

Я шел по улицам Форли, покачиваясь от счастья, словно пьяный. Глубоко вдыхал утренний воздух, ощущал себя таким сильным, довольным жизнью и молодым. Мне нравилось все, и серые стены домов, и резные фасады церквей, и женщины-крестьянки, празднично одетые, входящие в город с корзинами, наполненными разноцветными фруктами. Женщины здоровались со мной, и я отвечал, широко им улыбаясь. Какие они все добрые! Сердце мое переполняла любовь, и она выплескивалась на всех, кто встречался мне на пути. Я чувствовал, что все вокруг любят меня. И сам любил все человечество!

Глава 10

Придя домой, я упал в кровать и сразу провалился в крепкий сон. Пробудился хорошо отдохнувшим и очень счастливым.

– Что с тобой? – спросил Маттео.

– Я очень доволен собой.

– Тогда, если ты хочешь, чтобы и другие люди остались довольными, тебе лучше пойти со мной к донне Клодии.

– К прекрасной Клодии?

– К ней самой.

– Разведка в стане врага?

– Именно поэтому я и хочу, чтобы ты нанес визит даме. Сделаем вид, будто ничего не произошло.

– Но едва ли мессир Пьячентини обрадуется, увидев меня.

– Он будет скрипеть зубами и внутренне изрыгать огонь, но при этом раскроет объятия и крепко обнимет нас, пытаясь убедить, что любит ближнего своего, как и положено христианину.

– Очень хорошо, пошли!

Донна Клодия искренне обрадовалась нашему приходу и тут же принялась строить глазки, вздыхать и прикладывать руку к груди, демонстрируя самые теплые чувства.

– Почему вы не приходили ко мне, мессир Филиппо? – спросила она.

– Исключительно из опасения показаться назойливым, – ответил я.

– Ах, – она томно на меня посмотрела, – да как такое могло быть? Нет, причина вашего отсутствия в другом. Увы!

– Я не решался взглянуть в эти завораживающие глаза. Она повернулась ко мне, встретилась со мной взглядом и потом закатила глаза.

– Вы находите их такими жестокими?

– Они слишком сверкают. Вы знаете, как опасна свеча для мотылька, только в нашем случае свечей две.

– Но говорят, что мотылек, сгорающий в пламени, ощущает небесное блаженство.

– Я очень приземленный мотылек, – будничным тоном ответил я, – и боюсь обжечь крылышки.

– Как прозаично! – пробормотала она.

– Муза теряет свое могущество в вашем присутствии, – галантно заметил я.

Она, вероятно, не совсем поняла, что я хотел этим сказать, потому что в глазах мелькнуло недоумение. Меня это не удивило, я и сам представления не имел, какой смысл вкладывал в эту фразу. Но она восприняла ее как комплимент.

– Ах, вы такой галантный!

Какое-то время мы молчали, не сводя друг с друга глаз. И вновь она глубоко вздохнула.

– С чего такая грусть? – спросил я.

– Мессир Филиппо, – ответила она, – я несчастная женщина. – И она ударила себя в грудь.

– Вы же такая красивая, – попытался подбодрить ее я.

– Ах нет, нет! Я несчастна.

Я посмотрел на мужа, который мрачно слонялся по комнате, напоминая отставного солдата, мучающегося подагрой, и подумал, что одного общества такого человека достаточно, чтобы почувствовать себя несчастной.

– Вы правы. – Она проследила за моим взглядом. – Все дело в моем муже. Он напрочь лишен сочувствия.

Я тут же ей посочувствовал.

– Он так ревнует меня, хотя, как вам известно, в Форли я идеал добродетели.

Никогда не слышал, чтобы так характеризовали таких, как она, но, разумеется, подыграл ей:

– Одного взгляда на вас достаточно, чтобы успокоить самого буйного из мужей.

– Ох, уверяю вас, у меня так часто возникает искушение, – быстро ответила она.

– Могу в это поверить.

– Но я абсолютно ему верна, будто я старая и уродливая. Тем не менее он все равно ревнует.

– В этой жизни каждому из нас приходится нести свой крест, – вздохнул я.

– Бог свидетель, я несу свой. Но у меня есть отдушина. Я, собственно, в этом не сомневался и ответил:

– Правда?

– Я изливаю душу в сонеты.

– Второй Петрарка!

– Мои друзья считают, что некоторые из них достойны этого великого имени.

– Я без труда могу в это поверить.

Затем, как усталый часовой, я сдал пост. Думал о своей сладкой Джулии, о ее красоте и обаянии, перед которыми окружавшая меня брэнность бытия отступала на второй план. Я ушел, потому что жаждал уединения, чтобы предаться грезам о моей любимой.

Наконец время пришло, долгий день покинул Форли, и ночь, подруга влюбленных, открыла для меня дорогу к Джулии.

Глава 11

Я купался в счастье. Жизнь продолжалась. В Форли постоянно что-то происходило. Враждующие стороны проводили встречи и обсуждали ситуацию, по-прежнему взрывоопасную, но я воспринимал все это с полнейшим безразличием. «Какое значение имеют все эти мелочи жизни? – говорил я себе. – Во все века люди работали, боролись, строили планы, плели сети заговоров, зарабатывали деньги, теряли их, стремились занять место под солнцем. У них возникали честолюбивые замыслы, их не оставляла надежда, но все это не шло ни в какое сравнение с любовью». Я попал в бурлящий политический котел Форли. Оказался за занавесом и видел все хитросплетения отношений, намерения и мотивы ведущих актеров, но сам активного участия в действе не принимал. Будущее Форли, введение налогов или их отмена, смерть А по приказу Б или смерть Б по приказу А превратились для меня в нечто несущественное. Я воспринимал всех этих людей как выступающих на сцене марионеток, а потому не мог относиться к ним серьезно. Джулия! Теперь вся моя жизнь вращалась вокруг нее. Все остальное не имело для меня ровно никакого значения. Когда я думал о Джулии, мое сердце наполнялось иступленным восторгом и мне были безразличны глупые подробности происходящих событий.

Я сознательно держался в стороне от бурного потока, который уносил с собой остальных, но не мог не знать о том, что творилось вокруг. А творилось что-то странное. После решительной стычки в зале заседаний совета люди начали готовиться к важным событиям. Кеччо отослал во Флоренцию крупную сумму денег на хранение. Бартоломео Моратини последовал его примеру. В городе царил тревога. Предполагалось, что Джироламо предпримет ответные шаги. Люди ожидали чего угодно. Проснувшись поутру, спрашивали друг друга, не произошло ли чего ночью. Кеччо постоянно носил кольчугу. Сторонники графа спрашивали, что намерен предпринять Кеччо, пойдет ли он на насильственные действия, учитывая восторженную реакцию горожан на его речь. Весь мир ждал чего-то значительного... и ничего не происходило. Все это напоминало мистерию, в которой ровный ход пьесы взрывало неожиданное событие: святой поднимался на небо или гора раскалывалась надвое, а из нее появлялся дьявол. Зрители уже сидели, разинув рты, наступил кульминационный момент, режиссер подал сигнал, все глубоко вдохнули, чтобы издать общий крик изумления, но что-то пошло не так, потому что ничего не случилось.

Форлийцы не могли этого понять; они ждали знамений и чудес, но – только представьте себе – напрасно. Каждый день они говорили себе, что именно этот день войдет в историю Форли, что уж сегодня Джироламо точно забудет про колебания и перейдет к решительным действиям, но день заканчивался тихо и спокойно. Все обедали и ужинали в положенное время, солнце двигалось по небу с востока на запад, как и днем раньше, и добропорядочные граждане ложились спать в урочный час, и ничто не тревожило их сны до следующего утра. Ничего не происходило, и всем уже начало казаться, что ничего и не произойдет. Встревоженные жители постепенно укреплялись во мнении, что тревожиться не из-за чего, и прежнее спокойствие окутывало город. Никто больше не говорил о новых налогах, а жизнь продолжалась... Кеччо, и Маттео, и Моратини смирились с тем, что небо безоблачное и им лучше заниматься своими делами, не забывая голову заговорами и полуночными убийцами.

Тем временем я смеялся, и наслаждался их глупостью, и хвалил себя за проявленную мудрость. Ибо я изначально ни о чем не волновался: я жил Джулией, ради Джулии, рядом с Джулией... никогда раньше я не ощущал такого счастья. Она держалась несколько сдержанно, но я ничего не имел против. Моя страсть к ней поддерживалась огнем, который пылал во мне, и пока она позволяла мне любить ее, все остальное не имело никакого значения. Я убеждал себя, что любовь просто не может быть равноценной с обеих сторон, и это очевидный факт: всегда одна сторона любит, а вторая позволяет себя любить. Возможно, природа издала по этому

поводу специальный указ. Мужчина любит беззаветно и страстно, тогда как женщина отдается ему и в его объятиях превращается в нежное, незащитное создание. Я не просил многого за любовь, которую отдавал. Я хотел лишь одного – чтобы моя возлюбленная позволяла себя любить. Это все, что заботило меня, это все, чего я хотел. Моя любовь к Джулии казалась чудом даже для меня самого. Я чувствовал, что растворяюсь в ней. Я целиком и полностью отдал себя в ее руки. Самсон и Далила! Но без неверных филистимлян. Я бы отдал ей на хранение свою честь в полной уверенности, что она останется в целостности и сохранности. Великая моя любовь вызывала у меня такое благоговение, такой трепет, что иногда я едва решался прикоснуться к Джулии. Мне представлялось, что я должен пасть на колени и поклониться ей. Я познал великую радость служения моей возлюбленной. В сравнении с ней я видел себя мелкой сошкой, не заслуживающей ее внимания, всеми силами пытался показать, что я ее жалкий раб... Ох, Джулия! Джулия!

Но бездействие Джироламо Риарио лишь убеждало подданных графа в его слабости. Они проверили, как он поступал в прошлом, и выяснили, что только в случае с Кеччо он не посмел принять никаких ответных мер. Казалось невероятным, что граф оставил без отмщения оскорбления, высказанные в его адрес, молча стерпел растущую популярность Кеччо, которого бурно приветствовали всякий раз, когда он появлялся на улицах Форли. Горожане теперь не только ненавидели Джироламо, но и начали его презирать и рассказывали друг другу истории о яростных ссорах между графом и Катериной. Все знали гордость и вспыльчивость графини (давала себя знать кровь Сфорца), и горожане не сомневались, что она не может мириться с оскорблениями, нанесенными ее мужу, пусть даже он сам предпочел их проглотить. Страх перед Джироламо более не сдерживал сарказм жителей, и стоило кому-то из придворных или обслуги появиться на улицах, как его высмеивали на все лады. Даже Катерине приходилось выслушивать презрительные смешки. О графе сложили песню, и отнюдь не хвалебную мелодию, которую он услышал в исполнении Оттавиано, его младшего сына; отец пришел в такую ярость, что едва не убил малыша. Пошли разговоры о неверности Катерины. Все вдруг сразу решили, что она наставляет мужу рога, и по городу пошла гулять еще одна песня, прославляющая рогоносцев.

Д'Орси, однако, сомневались, что это спокойствие истинное. Кеччо пребывал в уверенности, что граф заготовил какой-то план, так что царящие в городе тишь да благодать казались зловещими.

Джироламо теперь редко появлялся в Форли, но в день праздника одного из святых пошел в собор, а на обратном пути во дворец, проходя по площади, увидел Кеччо. В тот же самый момент Кеччо увидел графа и в нерешительности остановился, не зная, что и делать. Толпа в то же мгновение затихла, и все застыли, будто статуи под действием магического заклинания. И что теперь могло произойти? Джироламо и сам замялся, по лицу пробежала судорога. Кеччо уже двинулся дальше, притворившись, что не заметил графа. Маттео и я, не представляя себе, как выпутываться из этой ситуации, конечно же, последовали его примеру. Но тут граф шагнул к нам, протягивая руку:

– Ах, мой дорогой Кеччо! Как дела?

Он широко улыбался и тепло пожал руку, которую автоматически протянул д'Орси. При этом Кеччо по бледнел так, будто его сжала рука смерти.

– В последнее время ты пренебрегал моим обществом, дорогой друг. – В словах графа звучал упрек.

– Я неважно себя чувствовал.

Джироламо взял его под руку.

– Да перестань, ты не должен сердиться на меня из-за того, что недавно я произнес несколько резких слов. Ты же знаешь, какой я вспыльчивый.

– Вы имеете право говорить все, что вам хочется.

– Э нет, у меня есть право говорить только приятное.

Он улыбался, но все это время его пребывающие в непрерывном движении глаза ощупывали лицо Кеччо, лишь изредка смещаясь на меня или Маттео.

– Мы должны уметь прощать, – продолжил граф, потом обратился к Маттео: – Мы должны показать себя примерными христианами, так, Маттео?

– Разумеется!

– Однако твой кузен затаил на меня обиду.

– Нет, мой господин, – возразил Кеччо. – Боюсь, я тоже высказался излишне резко.

– Что ж, если и высказался, я тебя простил, и ты должен простить меня. Но мы не будем говорить об этом. Мои дети спрашивают о тебе. Странно, конечно, но мои дети обожают этого злобного типа, который говорит мне, что я самый жуткий среди правителей. Твой маленький крестный сын зовет тебя в гости.

– Милое дитя! – улыбнулся Кеччо.

– Навести их прямо сейчас. Незачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Мы с Маттео переглянулись. Очередная попытка заманить Кеччо в ловушку и на этот раз не дать вырваться?

– Приношу свои искренние извинения, но ко мне на обед приглашены гости, и я, похоже, уже опаздываю.

Джироламо коротко глянул на нас и, вероятно, прочел в наших глазах тревогу, потому что голос его стал совсем уж добродушным.

– Ты никогда ничего для меня не делаешь, Кеччо. Я не стану тебя задерживать, потому что уважаю законы гостеприимства. Но как-нибудь ты должен навестить нас.

Он тепло пожал руку Кеччо, кивнул Маттео и мне и отбыл.

Толпа не слышала сказанного, но вежливость общения не осталась незамеченной, и, как только за Джироламо захлопнулись двери дворца, люди принялись насмеяться над ним. Поведение графа они сочли трусостью. Горожанам казалось, что граф нашел в лице Кеччо сильного противника, а потому ничего не предпринимает. Для них стало откровением, что человек, которого они так боялись, получив удар, готов подставить другую щеку после того. Оказалось, что он повергал их в ужас, не будучи ужасным. Теперь они ненавидели его и за собственное малодушие. Песни-насмешки зазвучали с новой силой. Его называли не иначе как *cornuto* – «рогоносец».

Рожденный волной презрения, произошел еще один случай, вновь показавший слабость графа. В воскресенье, последовавшее за встречей с Кеччо, Джироламо собирался прийти к мессе в церковь Сан-Стефано, и Якопо Рончи, командующий войсками графа, в сопровождении двух солдат, поджидал его в соборе. Когда появился Джироламо, сопровождаемый женой, детьми и придворными, Якопо выступил вперед, упал на колени и протянул петицию, в которой просил расплатиться с ним и его солдатами. Граф молча взял петицию и уже собрался продолжить путь, но Якопо обхватил ноги графа, чтобы остановить его.

– Ради Бога, мой господин, выслушайте меня. Я и остальные уже долгие месяцы не получали ни гроша, и мы голодаем.

– Дай мне пройти, – рявкнул Джироламо. – Твоя петиция будет должным образом рассмотрена.

– Не прогоняйте меня, мой господин. Я уже подавал три петиции, но все они остались без внимания. Теперь я в отчаянии и не могу больше ждать. Посмотрите на мою превратившуюся в лохмотья одежду. Отдайте мне мои деньги!

– Дай мне пройти, говорю тебе! – яростно повторил Джироламо и ударил Якопо, который повалился на землю. – Как ты посмел прийти и оскорблять меня в общественном месте!

Клянусь Богом, мое терпение скоро лопнет! – Слова эти он произнес с такой страстью, будто с ними вырвалась вся злость, накопившаяся за дни унижения. И, повернувшись к горожанам, он прокричал: – Дайте пройти!

Они не решились противостоять его злобе и с по бледневшими лицами расступились в стороны, освобождая проход для Джироламо и его свиты.

Глава 12

Я смотрел на эти события, как мог бы смотреть комедию Плавта¹⁵: происходившее казалось мне очень забавным, но, возможно, с примесью вульгарности. Я с головой окунулся в собственное счастье и забыл про Немезиду.

В один из дней, месяца через два после моего приезда в Форли, я услышал, как Кеччо сообщил своему кузену о возвращении некоего Джорджо даль Эсти. Я не обратил особого внимания на эту фразу, но позже, когда остался наедине с Маттео, мне вдруг пришло в голову, что я никогда не слышал об этом человеке. Даже не знал, что у Джулии есть родственники со стороны мужа.

– Между прочим, а кто такой Джорджо даль Эсти, о котором упомянул Кеччо? – спросил я.

– Кузен умершего мужа Джулии.

– Я никогда не слышал, чтобы о нем говорили.

– Правда? Он гордится тем, что остается единственным, кто продержался в любовниках добродетельной Джулии дольше десяти дней.

– Еще одна из твоих баек, Маттео. Природа прочила тебя в странствующие монахи.

– Я часто думал, что упустил свое призвание. У меня же талант выдавать выдумку за правду. В церкви я бы сделал блестящую карьеру, поднялся бы на невообразимую высоту. Но теперь, когда военная служба заложила в меня некие древние идеи чести, мой дар безвозвратно потерян. И в результате, когда я говорю правду, люди думают, что я лгу. Но это чистая правда!

– Как и все твои истории! – фыркнул я.

– Спроси любого. Их связь продолжается многие годы. Когда Джулия вышла замуж за старого Томассо, которого не видела до свадьбы, она первым делом влюбилась в Джорджо. Он тоже влюбился в нее, но, будучи достаточно честным, не мог заставить себя переспать с женой кузена, учитывая, что жил на его деньги. Совесть не позволяла. Однако если женщина порочна, угрызения совести мужчины очень скоро катятся к чертовой матери. Раз уж Адам не отказался вкушать яблока, нельзя ожидать, что мы, бедолаги, поведем себя иначе. Короче, этот Иосиф убежал от жены Потифара не столь быстро, чтобы она не сумела его поймать.

– А ты у нас знаток Библии!

– Да, – кивнул Маттео. – Я ухаживал за любовницей священника, и мне пришлось придерживаться стиля, к которому она привыкла... Так или иначе, Джорджо, молодого парня, замучила совесть, и он покинул Форли. Джулия осталась с разбитым сердцем и так горевала, что утешала ее, наверное, половина города. Через какое-то время совесть Джорджо успокоилась, он вернулся, и Джулия отказала от дома всем своим любовникам.

– Я не верю ни единому твоему слову.

– Клянусь честью, это правда.

– Если хочешь знать, верится с трудом. Если она действительно любит его, то почему сейчас, когда нет никаких препятствий, они не вместе?

– Потому что у Джулии сердце шлюхи, и она не может хранить верность одному мужчине. Она очень его любит, но они ссорятся, и она внезапно начинает благоволить к кому-то еще, и какое-то время они не видятся. Но между ними существует магическое притяжение, потому что со временем они вновь притягиваются друг к другу, даже если пытаются бороться с этим изо всех сил. И заверяю тебя, Джорджо боролся. Пытался забыть ее навсегда и всякий раз, когда они расставались, клялся, что никогда больше не увидит ее. Но невидимая цепь никуда не делась, проходит время, и он обязательно возвращается к ней.

¹⁵ Тит Макций Плавт (254 до н.э. – 184 до н.э.) – древнеримский комедиограф.

Я молча слушал. Странные, ужасные мысли роились в моей голове, и я не мог их отогнать. Попытался заговорить ровным, спокойным голосом.

– И какие у них отношения, когда они вместе?

– Яркое солнце и гроза, причем со временем гроза только набирает мощь. А потом Джорджо уезжает.

– Но, ради всего святого, откуда ты знаешь? – в душевной муке воскликнул я.

Он пожал плечами.

– Они ссорятся? – спросил я.

– Неистово! Он чувствует, что его заточили в темницу против воли: дверь открыта, но ему не хватает духа выйти на свободу. Она злится, что ему приходится ее любить, тогда как любить ее он не хочет. Мне представляется, что в этом кроется причина ее любвеобильности. Все остальные любовники Джулии отчасти доказывают ему, как все ее любят, и убеждают Джулию, что она достойна любви.

Я не поверил. Нет, клянусь Богом, я не поверил ни одному слову, но при этом испугался, насмерть испугался.

– Послушай, Маттео, – попытался я переубедить его, – ты очень плохо думаешь о Джулии, но только потому, что совершенно ее не знаешь. Я клянусь тебе, она добрая и порядочная, какой бы ни была в прошлом. И я не верю всем этим сплетням. Я несколько не сомневаюсь, что она такая же честная и верная, как и красивая.

Маттео пристально глянул на меня.

– Ты ее любовник? – спросил он.

– Да!

Маттео открыл рот, будто хотел что-то сказать, но после секундного колебания отвернулся.

В тот же вечер, придя к Джулии, я нашел ее лежащей на диване. Она вытянулась в полный рост, голова утонула в мягких подушках. Лежала она с закрытыми глазами, глубоко уйдя в свои мысли. Я задался вопросом, а не думает ли она обо мне, поэтому на цыпочках подкрался к дивану, наклонился над Джулией и легонько поцеловал в губы. Она вскрикнула, хмурясь, открыла глаза.

– Ты меня испугал!

– Извини, – смиренно ответил я. – Я хотел сделать тебе сюрприз.

Она не ответила, но вскинула брови, чуть повела плечами. Мне оставалось только гадать, что рассердило ее. Я уже знал, что она очень вспыльчива, но не очень-то и возражал, потому что после вспышки негодования всегда следовало раскаяние и звучали слова любви. Я провел рукой по ее прекрасным, мягким волосам. Она вновь нахмурилась и отвернулась.

– Джулия, в чем дело? – Я взял ее за руку, но она тут же вырвалась.

– Ни в чем.

– Почему ты отворачиваешься от меня и убираешь руку?

– А почему мне не отворачиваться от тебя и не убирать руку?

– Ты не любишь меня, Джулия?

Она вздохнула, изобразила на лице скуку. Я смотрел на нее с болью в сердце и гадал, что происходит.

– Джулия, дорогая моя, скажи мне, что случилось. Я чувствую себя таким несчастным.

– Разве я не сказала тебе? Ничего, ничего, ничего!

– А почему ты сердишься?

Я прижался своим лицом к ее, обнял за шею. Она нетерпеливо высвободилась.

– Тебе неприятны мои поцелуи, Джулия?

Она раздраженно отвернулась.

– Джулия, ты не любишь меня? – Мое сердце начало уходить в пятки, и я вспомнил все, что услышал от Маттео. Господи! Неужели это правда?

– Да, конечно, я тебя люблю, но иногда меня лучше оставить в покое.

– Тебе достаточно сказать хоть слово, и я уйду навсегда.

– Этого я от тебя не хочу, но нам будет гораздо лучше, если мы будем видеться реже.

– Когда человек влюблен, всей душой и по-настоящему, ему не до предосторожностей.

– Ты бываешь здесь так часто, что я начинаю опасаться за свое доброе имя.

– Насчет этого тебе бояться нечего, – с горечью ответил я. – Еще один скандал погоды не сделает.

– Тебе не обязательно оскорблять меня!

Я не мог на нее злиться. Слишком сильно любил ее. Я упал на колени рядом с ней и обнял ее:

– Ох, Джулия, Джулия, прости меня! Я не хотел тебя обидеть. Но, ради Бога, не будь такой холодной! Я люблю тебя, люблю. Будь добра ко мне.

– Думаю, ты и видел от меня только добро... В конце концов, невелика важность. Я воспринимала все так же несерьезно, как и ты.

– Что ты хочешь этим сказать? – в ужасе воскликнул я.

Она пожала плечами:

– Полагаю, ты нашел меня симпатичной женщиной и решил, что можешь посвятить свободное время приятной любовной интрижке. Едва ли ты мог ожидать, что твои комплименты произведут на меня неизгладимое впечатление.

– Ты хочешь сказать, что не любишь меня?

– Я люблю тебя точно так же, как ты любишь меня. И я не вижу тебя Ланселотом, а себя – Гиневрой.

Я по-прежнему молча стоял рядом с ней на коленях, а в голове, казалось, один за другим лопались сосуды...

– Ты знаешь, – продолжила она, – нельзя любить вечно.

– Но я люблю тебя, Джулия. Люблю всем сердцем и душой! Раньше я любил по случаю и от нечего делать, но любовь к тебе совсем другая! Клянусь тебе, для меня это вопрос жизни и смерти.

– Мне это говорили так часто...

Я начал терять голову.

– Ты хочешь сказать, что между нами все кончено? Ты хочешь сказать, что больше не хочешь иметь со мной никаких дел?

– Я не говорю, что больше не хочу видеть тебя.

– Но любовь! Я жажду любви.

Она пожала плечами.

– Но почему? – в отчаянии спросил я. – Почему ты не хочешь дать ее мне, если рвешь со мной целиком и полностью?

– Человек не властен над своими чувствами. Любовь приходит и уходит.

– И ты совсем меня не любишь?

– Нет!

– Господи! Но почему ты говоришь мне об этом именно сегодня?

– Когда-нибудь пришлось бы сказать.

– Но почему не вчера, не позавчера? Почему именно сегодня?

Она не ответила.

– Потому что вернулся Джорджо даль Эсти?

Она посмотрела на меня, ее глаза блеснули.

– И что они наговорили тебе о нем?

- Он побывал здесь сегодня? Ты думала о нем, когда я пришел? Млела после его объятий?
- Как ты смеешь!
- Единственный любовник, которому ты оставалась верна!
- Ты клялся, что не веришь сплетням, а теперь, стоило мне отказать тебе, готов поверить каждому дурному слову обо мне. Я думала, ты доверяешь мне.
- Я верю каждому слову, сказанному о тебе. Я верю, что ты распутница.
- Она вскочила с дивана, и теперь мы стояли лицом к лицу.
- Тебе нужны деньги? Что ж, мои деньги не хуже любых других. Я заплачу за твою любовь. На, бери их!
- Я достал из кармана несколько золотых монет и швырнул ей под ноги.
- Ах! – в негодовании воскликнула она. – Мерзавец! Уходи, уходи!
- Она указала мне на дверь. Тут меня охватил ужас. Я упал на колени, схватил ее за руки:
- Прости меня, Джулия. Я не знаю, что говорю. Я обезумел. Но не лишай меня своей любви. Только ради нее я и живу. Ради Бога, прости меня! Джулия, я люблю тебя, люблю! Я не могу жить без тебя. – Слезы брызнули из моих глаз. Я не мог их остановить.
- Оставь меня! Оставь!
- Я устыдился собственного унижения. В негодовании встал.
- Какая же ты бессердечная. Ты не имеешь никакого права так относиться ко мне. Никто не обязывал тебя дарить мне свою любовь, но, раз уж ты это сделала, ты не можешь забрать ее назад. Ни у кого нет права повергать человека в такое горе, как это сделала ты. Ты плохая, злобная женщина. Я тебя ненавижу. Я стоял перед ней, сжав руки в кулаки. Она в испуге отпрянула.
- Не бойся, – успокоил я ее. – Я к тебе не прикаснусь. Я слишком сильно ненавижу тебя. Тут я повернулся к распятию и вскинул руки.
- Господи, прошу Тебя, пусть к этой женщине отнесутся так, как она отнеслась ко мне. – И добавил, уже обратившись к Джулии: – Я надеюсь, что ты станешь такой же несчастной, как я. И я надеюсь, что несчастной ты станешь в самое ближайшее время.
- Я оставил ее и в ярости так сильно хлопнул дверью, что она едва не сорвалась с петель.

Глава 13

Я возвращался домой в отчаянии и более всего напоминал человека, которому вынесли смертный приговор. Голова разламывалась. Иногда я останавливался и сжимал ее обеими руками, чтобы не дать расколоться на куски. Я не мог осознать, что произошло. Знал только, что все ужасно. Я чувствовал, что схожу с ума. Я легко мог покончить с собой. Наконец, до бравшись до дому, я рухнул на кровать и попытался взять себя в руки. Все мое существо ополчилось на эту женщину. Как мне хотелось, чтобы сейчас она оказалась передо мной: я бы сжимал и сжимал ее мягкую белоснежную шею, пока не лишил бы жизни. Ох, как я ее ненавидел!

В конце концов я заснул, и забытье принесло успокоение. Пробудившись, я какое-то время лежал, не думая ни о чем; потом внезапно все вернулось, и кровь бросилась мне в лицо, когда я вспомнил, как унижался перед ней. Наверное, сердце у нее тверже камня, раз она видела мою беду и не пожалела меня. Она видела мои слезы, но они ее не тронули. Все это время, когда я умолял пощадить меня, она более всего напоминала мраморную статую. Она видела мои страдания и жар моей любви, но проявила полное безразличие. Ох, я презирал ее! Я знал, даже когда обожал ее до безумия, что именно моя любовь придает ей те самые качества, которые вызывали у меня благоговейный трепет. Я же видел, что она невежественна и глупа, но меня это не беспокоило, потому что я любил ее, а в ответ получал ее любовь. Но теперь, увидев, какая она бессердечная и бесчувственная к несчастьям другого, я не просто ненавидел ее – я ее презирал. Презирал и себя за то, что полюбил ее. Презирал себя за то, что по-прежнему любил...

Я поднялся и занялся привычными повседневными делами, пытаюсь отвлечься от мрачных мыслей. Но вновь и вновь возвращался к своему горю и в сердце проклинал эту женщину. Немезида, как и всегда, Немезида! По глупости я забыл про нее, а ведь следовало помнить, что всю мою жизнь счастье сменялось бедой... Я пытался отвести зло жертвоприношениями. Я радовался несчастьям, которые сваливались на меня, да только радость эта ничего не меняла, и неизбежно Немезида приходила вновь и ввергала меня в несчастье. Но в последнее время я о ней забыл. Какая там Немезида, если я думал, что на этот раз счастье так велико, что продлится вечно? Оно выглядело таким здоровым и сильным, что у меня и мысли не возникало о его кончине. Я забыл про богов. Я думал только о любви и Джулии.

Маттео попросил меня пойти во дворец графа с ним и Кеччо. Джироламо позвал их, чтобы показать вновь отделанные залы. Я не пошел. Мне хотелось посидеть в одиночестве и подумать.

Но мысли сводили с ума. Вновь и вновь я повторял каждое слово нашей ужасной ссоры, и ее жестокость ввергала меня во все больший ужас. Какое право имела она делать меня таким несчастным? Неужели в мире и без того не хватало страданий? Ох, как бессердечно она себя повела.

Я уже не мог оставаться один. Сожалел, что не пошел во дворец графа. Одиночество тяготило меня.

Часы тянулись, как годы, разум заволокло туманом, апатия нарастала.

Наконец они вернулись, и Маттео рассказал мне о том, что происходило во дворце. Я пытался слушать, забыть о своем горе... Граф держался любезно. Сначала показал прекрасную коллекцию картин, которую он собрал, чтобы украсить коридоры и залы дворца, потом он повел гостей в апартаменты Катерины, где они нашли графиню в окружении детей. Хозяйка приняла их радушно, похвалила Маттео за галантность. Как будто меня все это интересовало! Дети подбежали к Кеччо и, завладев его вниманием, увлекли своей игрой. Остальные стояли и смотрели, как Кеччо играет с маленькими мальчиками, и в какой-то момент Джироламо, положив руку на плечо Кеччо, заметил:

– Видишь, дорогой друг, никакой вражды между нами нет. И если малыши так искренне тебя любят, неужели ты думаешь, что я могу тебя ненавидеть?

Когда они собрались уходить, граф проводил их до ворот и тепло с ними попрощался.

Наконец наступил вечер и я смог закрыться в своей комнате. Подумал, с горькой улыбкой, что именно в этот час я обычно уходил к Джулии. Но теперь наши встречи остались в прошлом. Печаль так придавила меня, что я даже не мог злиться на Джулию. Забыл об унижениях, которым она меня подвергла. Чувствовал только разбитое сердце. Не сумел сдержать слез и заплакал, уткнувшись лицом в подушку. В последний раз я плакал давным-давно, маленьким мальчиком, но этот удар лишил меня мужества, и я предался горю всей душой, ничего не стыдясь. Я потерял уважение к себе, моя судьба более не интересовала меня. Рыдания накатывали, как волны, вызывая боль, рвущую грудь, но в то же время принося облегчение. Измотанный донельзя, я заснул.

Но я знал, что происходящее со мной не скрыть, и Маттео вскоре все заметил.

– Что с тобой, Филиппо? – спросил он.

Я покраснел и замялся с ответом.

– Ничего, – все-таки выдал из себя.

– Я подумал, что ты несчастен.

Наши глаза встретились, но я не смог вынести его вопрошающий взгляд и уставился в пол. Он подошел ко мне, сел на подлокотник кресла, положил руку мне на плечо и с любовью спросил:

– Мы же друзья, так, Филиппо?

– Да, – ответил я, улыбнувшись и взяв его руку.

– Так почему бы тебе не довериться мне?

– С удовольствием, – ответил я после паузы. Мне было необходимо выговориться, излить душу. Я отчаянно нуждался в сочувствии.

Он ласково провел рукой по моим волосам.

Еще какое-то время я молчал, а потом уже ничего не мог поделаться и выложил всю историю, от начала и до конца.

– Бедняга! – пожалел он меня, когда я закончил рассказ. А потом скрипнул зубами. – Она чудовище, эта женщина!

– Мне следовало внять твоему предупреждению, Маттео, а я повел себя глупо.

– Да кто слушает советы? – Он пожал плечами. – Я и не ждал, что ты мне поверишь.

– Но теперь я тебе верю. Я прихожу в ужас, когда думаю о ее равнодушии и жестокости.

– Хорошо, что теперь все закончилось.

– Безусловно! Я ненавижу и презираю ее. Разве что мне хочется встретиться с Джулией лицом к лицу и высказать все, что я о ней думаю.

Я думал, что разговор с Маттео принесет облегчение. Я думал, что худшее позади, но ночью тоска обрушилась на меня с еще большей силой. Лежа в кровати, я стонал, не находя себе места. Чувствовал себя невероятно одиноким... родственников у меня не было, за исключением сводного брата, мальчика лет двенадцати, которого я видел считанные разы, и когда я бродил по свету, будучи изгнанником, меня постоянно преследовал демон одиночества. Иногда, не имея рядом близкого человека, я чувствовал, что могу покончить с собой. Но, влюбившись в Джулию, я громко кричал от счастья... я забыл обо всем, полностью отдавая себя пожару страсти. Все тяготы, все проблемы отступили, потому что годы одиночества закончились и появился человек, которому я мог отдать свою любовь. Я напоминал корабль, прибывающий в гавань. Паруса убирают, палубу драят, готовясь к заслуженному отдыху.

И теперь все закончилось. Господи, подумать только – мои надежды разлетелись вдребзги буквально за несколько минут! И мой корабль вместо тихой гавани попал в шторм: яркие звезды скрылись за тяжелыми облаками! На контрасте с ослепительным светом недав-

него прошлого нынешняя тьма стала еще более давящей. Я застонал. Охваченный горем, вознес молитву Господу, попросив помощи. Мне не хотелось жить. Как я мог оставаться на этой земле с зияющей пустотой в сердце? Я не хотел проводить дни, и недели, и годы, пребывая в таком отчаянии. Здравый смысл подсказывал мне, что время – лучшее лекарство, но я понимал: на выздоровление уйдут годы и каждое мгновение будет наполнено страданиями! А когда я думал о том, что потерял, агония становилась невыносимой. Желаемое становилось явью, я сжимал Джулию в объятиях и говорил, прижимаясь губами к ее губам: «Как ты могла!»

Я закрывал лицо руками, чтобы в полной мере насладиться моей грезой. Я чувствовал аромат ее дыхания и легкие прикосновения ее волос. Но на какие-то мгновения. Я пытался схватиться за ее образ и удержать его, но он исчезал, оставляя меня с разбитым сердцем...

Я знал, что ненависти к ней во мне нет. Я притворялся, что ненавидел ее, и лишь на словах. Сердцем я по-прежнему любил ее, даже еще более страстно. Меня не волновало, что Джулия показала себя бессердечной, жестокой и злобной! Меня это не касалось, при условии, что я мог сжимать любимую в объятиях и покрывать поцелуями. Я презирал ее. Я знал, чего она стоит, и при этом по-прежнему безумно ее любил. Ох, если бы она вернулась ко мне! Я бы с готовностью забыл все и простил ее. Нет, я бы вымаливал прощение, ползая у ее ног, если бы только она позволила мне опять наслаждаться ее любовью.

Я хотел прийти к ней, упасть на колени и молить о милосердии. Но с чего я решил, что она изменится за несколько дней? Я знал, что Джулия отнесется ко мне с тем же безразличием, только к нему добавится еще и презрение ко мне. Мысль о ее хладнокровии и жестокости ударила, словно молния. Нет, я дал себе слово, что больше такого не повторится. Я почувствовал, как краснею, вспомнив об унижениях, через которые мне пришлось пройти. Но возможно, она сожалела о содеянном. Я знал, что гордость не позволит донне прийти или послать за мной, но, возможно, мне следовало дать ей шанс? Если бы мы увиделись на несколько мгновений, как знать, может, этого и хватило бы, чтобы все устроилось и я вновь обрел счастье. И тут же во мне забурлила надежда. Я подумал, что идея очень даже хороша. Не могла Джулия быть такой бессердечной, чтобы не сожалеть о случившемся. А я со всей готовностью восстановил бы с ней прежние отношения! Мое сердце гулко и радостно забилося. Но я не решился пойти к ней. Я знал, что завтра найду Джулию в доме отца, на банкете в честь каких-то друзей. Там я мог заговорить с ней, как бы между прочим, словно мы добрые знакомые. А потом при первой уступке со стороны любимой, даже заметив намек на сожаление в ее глазах, я бы просто запрыгал от радости. Довольный придуманным планом, я заснул счастливым, с именем Джулии на устах и ее образом в сердце.

Глава 14

Я пришел во дворец Моратини и – сердце билось, как барабан – огляделся в поисках Джулии. Ее, как и всегда, окружали воздыхатели, и мне показалось, что она даже более оживленная, чем обычно. И еще никогда она не казалась мне такой прекрасной. Одета в белое, с жемчужинами, вшитыми в рукава, она выглядела как невеста. Она сразу же увидела меня, но сделала вид, что не заметила, продолжив разговор с окружавшими ее поклонниками.

Я подошел к ее брату Алессандро и как бы невзначай спросил его:

– Мне говорили, что кузен твоей сестры приехал в Форли. Он сегодня здесь?

Он вопросительно посмотрел на меня.

– Джорджо даль Эсти, – пояснил я.

– Ох, вот ты о ком. Нет, его здесь нет. Он и муж Джулии не ладили, так что...

– А почему они не ладили? – не сдержался я и понял, что вопрос неуместный.

– Не знаю. Родственники частенько враждуют друг с другом. Может, не поделили наследство.

– И это все?

– Насколько мне известно, да.

Я вспомнил, что до лиц заинтересованных сплетня доходит позже всех. Муж ничего не слышит об измене жены, тогда как весь город уже обсуждает мельчайшие подробности.

– Я бы хотел повидаться с ним, – продолжил я.

– С Джорджо? Он слабак. Из тех, кто сначала грешит, а потом кается.

– Это не тот недостаток, в котором можно тебя упрекнуть, Алессандро, – улыбнулся я.

– Искренне надеюсь, что ты прав. В конце концов, если у человека есть совесть, неправильного он не совершит. А если уж такое случилось, он должен быть дураком, чтобы потом в этом раскаиваться.

– Нельзя сорвать розу, не уколовшись шипом.

– Почему нет? Надо только соблюдать осторожность. На дне любой чашки будет отстой, но пить его не обязательно.

– Ты, как я понимаю, для себя уже решил, что отправишься в ад, если согрешишь.

– Это честнее, чем пролезать на небеса через черный ход, становясь праведным, когда ты слишком стар, чтобы грешить.

– Я согласен с тобой. Едва ли кто будет уважать человека, который подается в монахи потому, что его преследуют неудачи.

Я увидел, что Джулия одна, и воспользовался возможностью заговорить с ней.

– Джулия, – позвал я, подходя к ней.

Она смотрела на меня в недоумении, казалось, не могла вспомнить, кто я такой.

– Ах, мессир Филиппо! – воскликнула она, словно память наконец-то подсказала ей правильный ответ.

– После нашей последней встречи прошло не так много времени, чтобы ты забыла меня.

– Да, я помню, что в последний раз, оказав мне честь и посетив меня, вы повели себя крайне грубо.

Я молча смотрел на нее, не зная, что и ответить.

– Ну? – Она улыбалась, глядя мне в глаза.

– И тебе больше нечего мне сказать? – спросил я, понизив голос.

– А что бы вы хотели от меня услышать?

– Ты такая бессердечная?

Она вздохнула, посмотрела в другой конец зала, словно надеялась, что кто-то подойдет и прервет этот надоевший ей разговор.

– Как ты могла? – прошептал я.

Несмотря на самоконтроль, на щеках Джулии проступил румянец. Какое-то время я рассматривал ее, а потом отвернулся. Теперь уже я не сомневался в ее равнодушии. Покинув дворец Моратини, я отправился бродить по городу. Встреча с Джулией пошла мне на пользу. Я окончательно убедился, что моя любовь отвергнута. Остановился, топнул ногой и дал себе слово, что больше не буду ее любить, забуду эту презренную, злобную женщину. Гордость не позволяла мне пресмыкаться перед нею.

Я даже жалел, что не убил ее. На этой прогулке я решил, что должен собрать волю в кулак и покинуть Форли. Вдали от города у меня возникнет множество дел, и очень скоро я найду другую женщину, которая займет место Джулии. Она не единственная женщина в Италии, и уж точно не самая красивая и не самая умная. Пройдет месяц, и я сам буду смеяться над своими душевными терзаниями...

В тот же вечер я сказал Маттео, что собираюсь покинуть Форли.

– Почему? – изумленно спросил тот.

– Я живу здесь уже несколько недель, – ответил я. – Нельзя злоупотреблять гостеприимством.

– Чушь. Ты знаешь, я буду рад, если ты останешься здесь на всю жизнь.

– Ты очень добр, – рассмеялся я, – но дом-то не твой.

– Это не имеет никакого значения. Кроме того, Кеччо очень привязался к тебе и, я уверен, хочет, чтобы ты как можно дольше жил в его доме.

– Разумеется, я знаю, что ваше гостеприимство не знает границ. Но мне уже хочется вернуться в Читта-ди-Кастелло.

– Почему? – В голосе Маттео слышалось сомнение.

– Приятно, знаешь ли, приехать на малую родину.

– Ты провел вдали от Кастелло десять лет. И я не понимаю, с чего такая спешка.

Я уже собрался запротестовать, но тут вошел Кеччо, и Маттео прервал меня:

– Послушай, Кеччо, Филиппо говорит, что хочет нас покинуть.

– Но он же не хочет, – рассмеялся Кеччо.

– Я действительно должен, – ответил я без тени улыбки.

– Да нет же, – покачал головой Кеччо, – нам не обойтись без тебя, Филиппо.

– Для спешки с возвращением в Кастелло причин у тебя нет, – заявил он, когда я изложил свои доводы, – и я уверен, что скоро ты нам очень понадобишься. Крепкий меч и храброе сердце никогда не бывают лишними.

Я пожал плечами:

– Здесь все спокойно, как на кладбище.

– Внешне – да, но это лишь видимость. Я уверен, это затишье перед бурей. Не может Джироламо и дальше так себя вести.

Его долги растут с каждым днем, и соответственно связанные с ними проблемы. Он должен что-то предпринять. Любая попытка поднять налоги вызовет волну возмущения, а потом всякое может случиться.

Меня начала раздражать их настойчивость, и я ответил излишне резко:

– Нет, я должен ехать.

– Останься еще на месяц. Я думаю, решающая стычка произойдет раньше.

Я не видел разницы между месяцем и годом.

– Я неважно себя чувствую и думаю, что мне необходима смена обстановки.

Кеччо на мгновение задумался.

– Очень хорошо. Мне нужен надежный человек, чтобы поехать во Флоренцию и завершить одно дело с Лоренцо де Медичи. Ты обернешься за полмесяца. Если ты неважно себя чувствуешь, то эта поездка подбодрит тебя. Поедешь?

Я задумался. Полмесяца не такой уж длинный срок, но новые впечатления отвлекли бы меня, и Флоренцию мне хотелось увидеть. В общем, я решил, что этого времени все-таки хватит, чтобы излечиться от тоски.

– Поеду, – кивнул я.

– Отлично. И у тебя будет приятный компаньон. Я уже говорил насчет этой поездки с Шипионе Моратини. У меня и мысли не было, что ты захочешь покинуть Форли. Но возможно, это и правильно, отправить вас двоих.

– Если я поеду, то один, – возразил я.

Кеччо уставился на меня:

– Почему?

– С Шипионе мне скучно. Я же хочу в полной мере насладиться поездкой.

Я твердо решил, что ни один из Моратини мне не нужен.

– Как тебе будет угодно, – пожал плечами Кеччо. – Я скажу Шипионе, что он потребуется мне для другого дела.

– Спасибо.

– Когда ты поедешь?

– Тотчас же.

– Тогда пойдем, я тебе все расскажу и дам необходимые бумаги.

Глава 15

Наутро я сел на лошадь и отправился в путь вместе с Маттео, который вызвался меня проводить.

Но у городских ворот стражник загородил нам дорогу и спросил, куда мы направляемся.

– Туда, – коротко ответил я, двинувшись дальше.

– Стоять! – крикнул стражник, ухватившись за уздечку.

– Что это значит? – возмутился Маттео. – Ты знаешь, кто мы?

– У меня приказ никого не выпускать из города без разрешения моего капитана.

– Какие тут тираны! – вскричал Маттео. – Так какого черта ты здесь торчишь? Зови своего капитана.

Стражник махнул рукой другому солдату, который ушел в караульню. Сам он продолжал держать уздечку. А я в это утро пребывал в дурном настроении.

– Будь добр, убери руки, – буркнул я.

Судя по выражению его лица, он собирался мне отказать.

– Сделаешь, что тебе говорят?

Он колебался, и я двинул рукояткой хлыста ему по пальцам. Он тут же, выругавшись, убрал руку и, похоже, проткнул бы меня мечом, если б посмел. Мы нетерпеливо ждали, а капитан все не появлялся.

– Какого черта он не выходит? – спросил я, и Маттео, повернувшись к другому солдату, приказал:

– Пойди и скажи ему, чтобы он немедленно пришел.

В этот момент появился капитан, и мы все поняли, потому что перед нами появился Эрколе Пьячентини. Он то ли увидел, как мы подъезжали к воротам, то ли прознал о моей поездке, вот и решил поизмываться над нами. Мы оба пришли в ярость.

– Какого черта вы не поторопились, когда я по слал за вами? – спросил Маттео.

Он нахмурился, но не ответил. Повернувшись ко мне, спросил:

– Куда вы направляетесь?

Мы с Маттео переглянулись, потрясенные дерзостью Эрколе, и я взревел:

– С какой стати вы нас остановили?

– Я имею право отказать в проезде любому.

– Думайте, что говорите! – воскликнул я. – Клянусь, граф узнает о вашем поведении, а нынче у графа вошло в привычку делать все, как говорят ему д'Орси.

– Я ему это передам, – прорычал Пьячентини.

– Передавайте ему что угодно. Думаете, меня это волнует? Можете сказать ему, что я считаю его капитана грубияном.

– Вы не проедете, пока я не дам на то разрешения.

– Клянусь Богом, – воскликнул я вне себя от ярости, – я не могу разобраться с вами здесь, но если мы когда-нибудь встретимся в Читта-ди-Кастелло...

– Можете рассчитывать на любую сатисфакцию, – с жаром ответил он.

– Сатисфакцию! Я не собираюсь пачкать мой меч, скрестив его с вашим. Я прикажу своим слугам отхлестать вас плетьюми в публичном месте.

Я испытывал огромное удовольствие, бросая ему в лицо эти слова.

– Поехали, – подал голос Маттео, – нечего терять время.

Мы пришпорили лошадей. Стражники посмотрели на своего капитана, ожидая приказа остановить нас, но он промолчал, и мы миновали ворота. Когда отъехали на какое-то расстояние, Маттео повернулся ко мне.

– Джироламо что-то задумал, иначе Эрколе никогда не решился бы на такое.

– Это всего лишь бессильная злость глупца, – ответил я. – Граф скорее всего очень разозлится на него, услышав об этом.

Мы проехали несколько миль, а потом Маттео повернул назад. Оставшись один, я облегченно вздохнул. На какое-то время я получил возможность наслаждаться полной свободой. Перевернулась еще одна страница моей жизни... я мог забыть о ней и ждать чего-то нового.

Мартовский ветер будоражил мою кровь, заставляя ее бешено мчаться по венам. Яркое светило солнце. Цвели яблони, груши, миндальные деревья. Ветви плотно укутывал белый и розовый снег. Радовали глаз нарциссы и анемоны, каждая олива светилась счастьем. Весь мир смеялся этим ясным весенним утром, и я смеялся громче всех. Бодрящий весенний воздух опьянил меня, и я вонзил шпоры в бока моей лошади и помчался галопом по тихой и пустынной дороге.

Я решил забыть Джулию, и мне это удалось, потому что перемена обстановки позволила отвлечься от грустных мыслей и взглянуть на мир во всей его красоте. Но я не властвовал над своими снами. Ночью она пришла ко мне, села рядом, обвила шею руками, ласкалась, стремясь заставить забыть об испытанных страданиях. И сколь горьким стало пробуждение... Но я надеялся, что скоро уйдут и сны, и тогда я окончательно обрету свободу.

Я скакал, крепкий духом и в прекрасном настроении, по бесконечным дорогам, останавливаясь в придорожных гостиницах, через горы, минуя деревеньки, замки и процветающие города, и, наконец, оказался в центре Тосканы и увидел перед собой крыши Флоренции.

В гостинице я привел себя в порядок и отправился гулять по городу, пробуждая воспоминания. Обошел собор Санта-Мария дель Фьоре, прислонившись к стене одного из домов на дальней стороне площади, полюбовался прекрасной апсидой с мраморными панелями, сверкающими под лунным светом. Один вид собора наполнял меня покоем и умиротворением, очищал от всего греховного... Потом я вошел в баптистерий¹⁶, чтобы в сумрачном свете рассмотреть удивительные двери работы Гиберти¹⁷. В столь поздний час улицы совершенно опустели и, прогуливаясь по площади Синьории, я увидел перед собой мрачный каменный дворец с башнями. Спустился к реке Арно, посмотрел на сверкающую под луной воду, на мост, облепленный домами, и, глядя на всю эту красоту, нашел странным, что деяния человека могут быть хорошими и чистыми, хотя сам человек столь злобен.

На следующий день я занялся порученным мне делом. Я привез с собой рекомендательное письмо для Лоренцо, открывающее все двери, поэтому меня тут же провели к герцогу. В комнате были двое: один – молодой, с лицом овальной формы, с резкими чертами и восхитительной кожей, с темно-каштановыми локонами, ниспадающими на лоб и уши. Но прежде всего взгляд приковывали огромные карие глаза, нежные и меланхоличные. Я подумал, что никогда раньше не видел мужчины красивее. Рядом с ним, оживленно разговаривая, сидел неприметный мужичонка, согнутый, морщинистый и жалкий, выглядевший продавцом из суконной лавки, если б не массивная золотая цепь на груди да одежда из темно-красного бархата с расшитым воротником. И лицо его не отличалось красотой: большой нос, широкогубый рот, маленькие глазки, блестящие и пронизательные; коротко стриженные тонкие волосы, желтая, в крупных порых и морщинах кожа. Лоренцо де Медичи!

Когда я вошел в комнату, он остановился на полуфразе, а потом обратился ко мне. У него был неприятный, грубый голос.

– Мессир Филиппо Брандолини, как я понимаю. Рад вашему приезду.

– Боюсь, я вам помешал. – Я посмотрел на юношу с меланхоличным взглядом.

¹⁶ Пристройка к церкви или отдельное здание, предназначенное для совершения крещения.

¹⁷ Лоренцо Гиберти (ок. 1378–1455) – итальянский скульптор, ювелир, историк искусства. Делом всей жизни и главным произведением Гиберти стали бронзовые двери – северные (1403–1424) и восточные (1425–1452) – для баптистерия во Флоренции.

– Нет-нет, – радостно возразил Лоренцо, – мы говорили о Платоне. Мне действительно надо бы заниматься более серьезными делами, но я никогда не могу отказать Пико.

То есть я видел перед собой знаменитого Пико делла Мирандолу¹⁸. Я вновь посмотрел на него и почувствовал зависть: одному человеку достались такой ум и такая красота. Явная несправедливость со стороны природы.

– И я нахожу эту тему невероятно интересной!

– Да, пиршество ума! – Лоренцо хлопнул в ладоши. – Тема эта неисчерпаема! Я могу говорить об этом днем и ночью целый год, а потом обнаружить, что не сказал и половины того, что хотел.

– Ты так много об этом знаешь, – Пико рассмеялся, – что можешь дать обширный комментарий на каждую фразу Платона.

– Ты негодяй, Пико! – со смехом ответил Лоренцо. – И каково ваше мнение о любви, мессир? – добавил он, повернувшись ко мне.

Я ответил с улыбкой:

Судьба мне кажется несчастной,
Когда любовь всего меня лишает,
Став бесконечных мук причиной.

Эти строки принадлежали перу Лоренцо. Услышав их от меня, он улыбнулся, и я понял, что его могла пронять только более тонкая лесть.

– У вас душа придворного, мессир Филиппо, – заявил Лоренцо на мою цитату. – Жаль, что вы предпочитаете свободу!

– Она разлита в воздухе Флоренции, и человек впитывает ее в себя каждой порой.

– Что, свобода?

– Нет, душа придворного.

Лоренцо пристально глянул на меня, потом на Пико, который с трудом подавил улыбку, вызванную моим язвительным замечанием.

– Ладно, с каким делом вы приехали из Форли? – спросил он, но, едва я начал объяснять подробности, прервал меня. – Все это вы уладите с моими секретарями. Расскажите мне, какова обстановка в городе. Ходили слухи о волнениях.

Я взглянул на Пико, который при этих словах поднялся.

– Я вас оставлю. Политика не для меня.

Я рассказал Лоренцо обо всем, что произошло. Слушал он внимательно, изредка прерывая мой рассказ вопросом. Когда я закончил, спросил:

– И что будет теперь?

Я пожал плечами:

– Кто знает?

– Мудрый человек знает, – воскликнул Лоренцо, – ибо он принял решение и сделает все, чтобы оно реализовалось. Только глупец доверяется случаю и ждет, куда кривая вывезет... скажите своему господину...

– Простите? – прервал я его.

Он сердито глянул на меня.

– Я просто хотел узнать, о ком вы говорите? – пробормотал я.

Он понял и улыбнулся:

¹⁸ Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) – итальянский мыслитель эпохи Возрождения, представитель раннего гуманизма.

– Извините. Я думал, вы из Форли. Разумеется, теперь вспомнил, что вы гражданин Каstellо, и всем известно, как трепетно ваши сограждане относятся к свободе и как дорожат ею.

Тут он меня, конечно, задел за живое, потому что Читта-ди-Каstellо стал одним из первых городов, потерявших свободу и в отличие от других совершенно не стремился ее вернуть.

– Тем не менее, – продолжил Лоренцо, – передайте Кеччо д’Орси, что я знаю Джироламо Риарио. Именно он и его отец руководили заговором, в результате которого погиб мой брат, а я едва избежал той же участи. Напомните ему, что граф не привык прощать или забывать нанесенные ему оскорбления. Вы говорите, Джироламо неоднократно угрожал Кеччо? Тот как-то отреагировал?

– Встревожился.

– А помимо этого?

Я смотрел на Лоренцо, пытаюсь понять, что он хотел этим сказать.

– Он решил сидеть тихо и ждать, пока Джироламо найдет способ реализовать свои угрозы?

– Ему говорили, что это решение не из лучших, – осторожно ответил я.

– И что он на это сказал?

– Он напомнил об исходе неких недавних... событий.

Лоренцо отвел от меня взгляд, словно понял тайный смысл моих слов, и теперь ему известно все, что он хотел знать. Старик поднялся и прошелся по комнате, потом повернулся ко мне.

– Скажите Кеччо, что положение Джироламо крайне неустойчивое. Папа настроен против него, хотя и делает вид, что поддерживает. Вы помните, как Дзампешчи захватил его замок Сан-Марко? Джироламо понял, что сделано это с молчаливого согласия папы, и не решился его отбить. Лодовико Сфорца, без сомнения, пришел бы на помощь своей сводной сестре, но он воюет с Венецией, и, если народ Форли ненавидит графа...

– Так вы советуете...

– Я ничего не советую. Но дайте Кеччо знать, что только дурак ставит перед собой цель, которую не может или не хочет достигнуть, а мужчина, который достоин зваться мужчиной, уверенно и с ясным умом идет к цели. Он видит суть и отмечает все ложное. И когда разум подсказывает ему средства для достижения этой цели, он глупец, если отказывается воспользоваться ими. Если же он мудр, то действует быстро и без колебаний. Передайте это Кеччо!

Он плюхнулся в кресло, облегченно выдохнув.

– Теперь мы можем поговорить о другом. Пико!

Появился слуга, чтобы сказать, что Пико ушел.

– Варвар! – воскликнул Лоренцо. – И я вижу, вы тоже хотите уйти, мессир Брандолини. Но вы должны вернуться завтра. Мы собираемся разыграть диалоги Платона, и кроме остроумия латыни вы увидите юность и красоту Флоренции.

Когда я уходил, он добавил:

– Мне нет нужды предупреждать вас, что разговор наш не предназначался для посторонних ушей.

Глава 16

Спустя несколько дней я возвратился в Форли. По пути я много размышлял, и теперь мне в голову пришла любопытная мысль о том, что в мире, возможно, существует некий баланс добра и зла. Когда судьба дарит человеку счастье, она следит и за тем, чтобы потом он испытал несчастье, причем отводит и на первое, и на второе одинаковые промежутки времени, не нарушая равновесия... В моей любви к Джулии я несколько дней прожил абсолютно счастливым, экстаз от первого поцелуя мог сравниться разве что с вознесением на небеса: я почувствовал себя Богом. Потом последовал период притупленного счастья, когда я жил лишь для того, чтобы наслаждаться своей любовью, не обращая внимания на окружающий меня мир. За этим произошла катастрофа, и я пережил самые ужасные страдания, которые могли только выпасть на долю человека. Даже теперь, когда я об этом думал, на лбу выступал холодный пот. Но я заметил, что странным образом остротой несчастье равнялось счастью и длилось ровно столько же. После чего наступил период притупленного несчастья, когда боль утраты уже не рвала сердце, а заставляла его лишь ныть, давая возможность сжиться со случившимся. С улыбкой и со вздохом я подумал, что период притупленного несчастья равен периоду притупленного счастья. И наконец, пришло блаженное состояние безразличия. Получалось, что жаловаться и не на что: сочетание счастья и несчастья, причем в равных долях, естественно и логично. За размышлениями я не заметил, как добрался до Форли.

Я миновал ворота с приятным чувством возвращения домой. Мне казалось, что я вернулся в компанию давних друзей, когда проезжал по серым, ставшими мне очень дорогими улицам. И я радовался, что скоро увижу Кеччо и Маттео, своего самого близкого друга. Я чувствовал, что по отношению к Маттео вел себя неподобающим образом. Он любил меня всей душой, я видел от него только добро, но страсть до такой степени захватила меня, что само его присутствие было невыносимо, и на его дружбу я отзывался более чем холодно. Теперь же, пребывая в сентиментальном настроении, я думал о том, что верный и надежный друг лучше самой красивой женщины на свете. Ты мог пренебрегать им, не хранить ему верность, и однако, если ты попадал в беду, он возвращался, чтобы прижать тебя к груди и успокоить, и никогда не жаловался, что ты покинул его. Возникло желание как можно скорее увидеть Маттео, пожать его руку, и я, пришпорив лошадь, помчался по улице. За несколько минут добрался до дворца, спрыгнул на землю, взбежал по ступенькам и бросился в объятия моего друга.

Как только жар приветствий поостыл, Маттео потащил меня к Кеччо.

– Моему кузену не терпится услышать твои новости. Мы не должны заставлять его ждать.

Кеччо обрадовался моему появлению ничуть не меньше Маттео. Тепло пожал мне руку.

– Я так рад, что вы вернулись, Филиппо. В ваше отсутствие мы плакали, как брошенные пастушки. Так какие вы привезли новости?

Я понимал, что именно им не терпится услышать, видел, как они внимали каждому моему слову, и решил, что не сразу перейду к главному, а потому принялся разглагольствовать о доброте Лоренцо, о диалогах в лицах, которые он пригласил меня посмотреть. Я подробно рассказывал, какая блестящая собралась публика, как здорово играли актеры. Маттео и Кеччо слушали внимательно, но я видел, что они ждут от меня другого.

– Как я понимаю, вас интересует кое-что более важное, – кивнул я. – Что ж...

Они придвинулись ближе, стараясь не пропустить ни одного слова.

С легкой улыбкой я перешел к подробностям финансовой сделки, послужившей причиной моей поездки во Флоренцию, и заметил появившееся на их лицах недовольство. Кеччо проявил признаки нетерпения, но не прерывал меня. А вот Маттео не сдержался, осознав, что я вожу их за нос.

– Прекрати, Филиппо! Почему ты мучаешь нас, видя, что мы сидим как на иголках?

Кеччо посмотрел на меня, увидел мою улыбку и взмолился:

– Ради Бога, освободите нас от этой пытки!

– Очень хорошо, – кивнул я. – Лоренцо попросил меня рассказать о происходящем в Форли, внимательно выслушал, а потом на какое-то время задумался и сказал мне следующее:

«Передай Кеччо...»

И я слово в слово повторил услышанное от Лоренцо, имитируя его интонации и жесты.

Когда закончил, они долго молчали. Наконец Маттео повернулся к кузену.

– Вроде бы достаточно ясно.

– Да, – ответил Кеччо с серьезным лицом, – яснее не бывает.

Глава 17

Я решил немного поразвлечься. Надоело мне быть строгим и серьезным. Когда возникают мысли о том, сколь коротка юность, глупо не воспользоваться ее преимуществами. Человеку отведено не так уж много времени, чтобы тратить его на страдания и стоны. Он едва успевает чуть-чуть повеселиться, как волосы его уже седые, а колени дрожат, и ему остается лишь скорбеть об упущенных возможностях. Потому-то столь многие говорили мне, что о грехах не сожалели никогда, а о проявленной добродетели – часто! Жизнь слишком коротка, чтобы воспринимать ее серьезно. Так что давайте есть, пить и радоваться жизни, ибо завтра мы умрем.

По части развлечений Форли предоставлял столько возможностей, что они превращались чуть ли не в тяжелую работу. Иной раз мы охотились целый день и возвращались ночью, уставшие и сонные, но крайне довольные собой, потягиваясь, как великаны, только-только пробудившиеся от сна. Мы устраивали поездки на виллы, где нас встречала добрая женщина, и повторяли, пусть и в меньшем масштабе, «Декамерон» Боккаччо, или вели ученые разговоры на манер Лоренцо и его близких друзей в Кареджо¹⁹. Как и они, мы могли рассуждать о Платоне и получать удовольствие, пытаясь взглянуть на непристойности с философской точки зрения. Мы выбирали общую тему и писали сонеты, и я обратил внимание, что произведения наших дам всегда получались более пикантными, чем у мужчин. Иногда мы играли в пастухов и пастушек, но у меня не получалось играть роль игривого пастушка, и моя нимфа всегда жаловалась, что я плохо развлекал ее. Разыгрывали мы и пасторальные пьесы, устроившись в тени деревьев, чаще всего об Орфее. Мне всегда доставалась главная роль, обычно против моей воли, и я не мог с должной страстью скорбеть по Эвридике, потому что полагал неразумной и негалантной безмерную печаль по ушедшей любимой, если вокруг было так много женщин, готовых утешить тебя...

И в Форли нас ожидали фестивали и балы, которые шли непрерывной чередой, практически не оставляя времени для сна. Где-то выступали заезжие актеры, где-то устраивали попойку, где-то играли в карты. Я бывал всюду и везде находил радушный прием. Я умел петь и танцевать, играл на лютне, мог тут же сочинить сонет или оду, а за неделю написать трагедию в пяти актах в духе Сенеки или эпическую драму о Ринальдо²⁰ или Ланселоте. Женщины открывали мне объятья и отдавали все лучшее, что у них было, а я веселился, как пьяный монах, и ни о чем не тревожился...

Я оказывал знаки внимания всем дамам, и сплетники приписывали мне полдюжины любовниц, рассказывая желающим пикантные подробности моих романов. Я задавался вопросом, слышала ли Джулия эти сплетни и что о них думала? Изредка мы встречались, но я не считал нужным вступать с ней в беседу. В Форли хватало места для нас обоих. И если ты с кем-то не нашел общего языка, то нет смысла общаться с этим человеком.

Однажды, во второй половине дня, мы с Маттео поехали на виллу, расположенную в нескольких милях от Форли. Там устроили праздник по случаю крещения. Прекрасная вилла поддерживалась в идеальном порядке. Били фонтаны, тенистые дорожки располагали к прогулке, выкошенные лужайки радовали глаз, и я настроился насладиться еще одним днем. Среди гостей увидел Клаудию Пьячентини. Сделал вид, что сильно сержусь на нее: недавно она устраивала бал, на который я не получил приглашения. Она подошла ко мне и попросила прощения.

– Это все мой муж.

Как будто я сам не знал причины.

¹⁹ Сан-Пьетро-ди-Кареджо – деревушка рядом с Флоренцией.

²⁰ Ринальдо ди Монтальбано – герой французского рыцарского эпоса (Ринальд Монтальбанский).

– Он заявил, что ноги вашей в его доме не будет. Вы же опять с ним повздорили!

– Ничего не могу с собой поделаться, потому что он для меня – обладатель прекрасной Клаудии.

– Он говорит, что не остановится, пока не увидит вашу кровь.

Меня это не встревожило.

– Он говорил, что даст обет не стричь волосы и не бриться, пока не отомстит, но я умолила его не делать этого, иначе он стал бы еще более отвратительным, чем теперь. Провидение и так жестоко с ним обошлось.

Я представил себе свирепого Эрколе с длинной нечесаной бородой и торчащими во все стороны волосами.

– Он выглядел бы как живущий в лесу дикарь. Пожалуй, мне пришлось бы принести себя в жертву на благо общества. Я стал бы одним из мучеников, пожертвовавшим собой ради спасения человечества – святым Филиппом Брандолини.

Я предложил прогуляться по саду... мы шагали по прохладным дорожкам, обсаженным миртом, и лавром, и кипарисами. Воздух наполнял пение птиц, легкий ветерок приносил ароматы полевых цветов.

В конце концов мы добрались до небольшой поляны, окруженной высокими кустами. Посередине журчал фонтан, в тени каштана стояла мраморная скамья на ножках-грифонах, напротив – статуя Венеры, обрамленная зеленью кустов. От остальных гостей мы ушли довольно далеко и не слышали гула голосов. Тишину нарушало только журчание фонтана: даже птицы, зачарованные красотой этого райского уголка, перестали петь. Шум воды убаюкивал как колыбельная, воздух благоухал лилиями.

Мы сели. Тишина радовала, умиротворенность и красота ласкали душу, и ощущение счастья наполнило меня, проникая в самые дальние уголки души. Аромат лилий начал возбуждать, и счастье переросло в любовь ко всему миру. Я чувствовал, будто могу раскинуть руки и обнять его целиком. Аромат лилий пьянил меня, окутывая, сокрушая...

Я посмотрел на Клаудию. Подумал, что и она испытывает те же чувства. Журчание воды, тепло и разлитые в воздухе ароматы возбудили и ее. Сладострастная красота Клаудии влекла к себе: чувственные и влажные губы, пухлые и алые. Упругая шея, с такой белой кожей, что сквозь нее я видел вены. Платье, облегаящее ее пышные формы, эти холмы плоти. В этот момент она казалась мне богиней сладострастия. И пока я смотрел на нее, мною овладело желание обладать ею. Я протянул руки, и она со страстным вскриком сдалась моим объятиям. Я притянул ее к себе, поцеловал ее прекрасный рот, чувственные и влажные губы, пухлые и алые...

Мы сидели бок о бок, смотрели на фонтан, вдыхали благоухающий воздух.

– Когда я смогу увидеть тебя? – прошептал я.

– Завтра... после полуночи. Приходи на узкую улочку за моим домом. Дверь найдешь открытой.

– Клаудия!

– До встречи! И ты не должен возвращаться со мной. Мы отсутствовали так долго, что люди это заметили. Посиди здесь после того, как я уйду, а потом бояться будет нечего. До встречи!

Она оставила меня, и я еще долго сидел на мраморной скамье, наблюдая за маленькими кругами, расходящимися от падающих в воду капель. Моя любовь к Джулии теперь действительно умерла, и я похоронил ее, закопал под каменной Венерой, единственным свидетелем ее существования. Я попытался придумать подходящую эпитафию... Время может убить самую неистовую любовь, и прекрасная женщина, если ей помогает весенний ветерок, может развеять даже воспоминания. Я вернул себе душевный покой. Все удовольствия находились на расстоянии вытянутой руки: хорошие вина, вкусная еда, красивая одежда, приятное времяпрепровождение.

дение и, наконец, величайший дар богов – прекрасная женщина, согласившаяся стать моей. Я достиг вершины мудрости, постиг истину, которая открывается рано или поздно любому здравомыслящему человеку: живи текущим днем, не упускай удовольствий, избегай неприятного, наслаждайся настоящим, не думай о прошлом или будущем. Я сказал себе – мудрый из мудрых – никогда не думай. Счастье – это жить чувствами, как животные, и использовать разум, как это делает бык, жуящий жвачку, только для того, чтобы размышлять о своем превосходстве над всем человечеством.

Я посмеялся, вспоминая свои слезы и терзания, вызванные разрывом с Джулией. Теперь страданий я не испытывал. Только пожурил себя, что по глупости не бросил ее первым. Бедная Джулия! Я сильно напугал ее неистовством своей страсти.

Следующим вечером я не позволил Маттео уйти спать.

– Ты должен составить мне компанию. Мне надо уйти в час ночи.

– Составлю, если ты скажешь мне, куда пойдешь.

– Нет-нет, – я покачал головой, – это секрет. Но я хочу выпить с тобой за ее здоровье.

– Без имени?

– Да!

– Тогда за безымянную нашу, и удачи тебе!

Мы поговорили о пустяках, прежде чем я услышал от него:

– Я рад, что ты больше не страдаешь из-за Джулии д’Эсти. Я боялся...

– Нет, это ушло. Я внял твоему совету и убедился, что наилучший способ утешиться – влюбиться в кого-то еще.

Я немного волновался, идя на эту тайную встречу. Задавался вопросом, а вдруг это ловушка, устроенная дружелюбным Эрколе, чтобы избавиться от столь ненавистного ему человека. Но трусливое сердце недостойно прекрасной девы, и, даже если бы он напал на меня с двумя или тремя сообщниками, я сумел бы постоять за себя.

Страхи мои не оправдались. По пути домой, когда только-только затеплилась заря, я улыбался, вспоминая обыденность, с которой какая-то женщина открыла мне дверь и провела в комнату. Вероятно, она к такому привыкла. Даже не потрудилась посмотреть на мое лицо, чтобы узнать, кого пускает в дом, и оставалось только гадать, сколь много закутанных в плащ кавалеров входили в эту дверь, но меня не волновало, будь их и полсотни. С какой стати Клаудии быть более добродетельной, чем я? Внезапно я подумал, что наконец-то отомстил Эрколе Пьячентини, и мысль эта, безусловно не самая оригинальная, заставила меня замереть на месте и расхохотаться. Конечно же, образ, возникший перед мысленным взором, эта голова, увенчанная роскошными рогами, которыми я его наградил, мог рассмешить и мертвого. Да, о такой мести я, пожалуй, и не мечтал! И кроме того, меня переполняла безмерная радость, потому что теперь я обрел полную свободу. Почувствовал, что разорвалась последняя тонкая цепочка, которая еще связывала меня и Джулию. На этот раз никакой любви я не испытывал. Только страстное желание овладеть этой роскошной, чувственной женщиной с такими пухлыми и алыми губами. Я желал ее телом, но не душой. Я вновь стал свободным человеком. И на этот раз мог не опасаться Немезиды.

Глава 18

Вот так какое-то время и текла моя жизнь, наполненная удовольствиями и развлечениями. Меня все устраивало, и я не хотел никаких перемен. Дни сменялись днями, началась первая неделя апреля. Джироламо устроил грандиозный бал, чтобы отпраздновать завершение строительства своего дворца. Он вселился в него, как только появились стены и крыша, но на внутреннюю отделку ушли годы. Он привлекал лучших мастеров Италии, и теперь наконец-то по ставил последнюю точку. Семейство д'Орси пригласили с особой учтивостью, и вечером мы прибыли во дворец.

Поднялись по парадной лестнице и попали в огромный зал, который по замыслу Джироламо предназначался для таких вот грандиозных приемов. Повсюду горел яркий свет. В дальнем конце, на небольшом возвышении, на золоченых стульях с высокими спинками, сидели Джироламо и Катерина Сфорца. За ними полукругом и на ступеньках застыли, как статуи, придворные, дамы Катерины и несколько кавалеров. Позади них – ряд гвардейцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.